

АРТЕМ МИЧУРИН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ УМЕРЕТЬ
ЕДА И ПАТРОНЫ

Артем Мичурин

Еда и патроны.

Прежде, чем умереть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67101615

SelfPub; 2022

Аннотация

Отчего-то многие полагают, что у моих коллег по цеху чёрствое сердце. Они, мол, не способны сопереживать чужому горю, да и сами скупы на эмоции. Профессиональная деформация личности, как у хирургов или палачей. Бездушные твари, холодные, словно рыбы. Это заблуждение. Под суровой покрытой шрамами оболочкой таится нежная податливая мякоть, которую легко ранить неосторожным словом, косым взглядом, неуместным покашливанием, плохими манерами, смрадным дыханием или просто смурным рылом, маячащим пред светлыми очами этих замечательных людей с тонкой душевной организацией. Они отнюдь не затворники, как принято думать, и легко идут на контакт, стоит задеть нужные струны внутри. И, будьте уверены, ваше горе, ваша боль, ваши слёзы обязательно вызовут их по-детски искренний эмоциональный отклик. А всё потому, что они любят жизнь и знают её цену. Меня зовут – Коллекционер, я – охотник за головами, и это – моя история.

Содержит нецензурную брань.

Артем Мичурин

Еда и патроны.

Прежде, чем умереть

Крайняя фаланга терлась о приятно шершавый чугун Ф-1, спусковой рычаг впился в ладонь. Стас поднял с земли чеку и нацепил её кольцо на безымянный палец, после чего поднёс гранату к губам и улыбнулся.

– ...пока смерть не разлучит нас.

– Молишься? – раздалось за спиной. – Напрасно. Там ничего нет.

– Уверен?

– Сейчас покажу, – ствол ткнулся Стасу в затылок. – Грабли подними.

– Как скажешь.

Стас развёл руки в стороны и, встав, повернулся лицом к Звягенцеву, отпрянувшему почти синхронно с толпящимися позади него головорезами.

– Ты что задумал? – направил главарь рейдеров ствол АПС наёмнику в лицо, опасно поглядывая на взведённую гранату.

– Высшая справедливость, – прошептал Стас доверительно.

– Ну-ка верни чеку на место.

– Не могу, я уже принял решение. Мы обручены.

– Шутки вздумал шутить, сучёнок?

– Хочешь, я расскажу тебе историю своей избранницы?

– Башку прострелю.

– Мы с ней недавно знакомы, но я влюбился, как только увидел. Кто-то скажет, дескать, не в меру смугла, – выставил Стас вперёд левую руку с гранатой, одновременно положив правую на рукоять автомата, – черты резкие и талии нет. Всё так. Да и постарше меня будет. Аж с две тысячи первого. Но сердцу не прикажешь. Одного боюсь – взаимной страсти не испытать. Понимаешь, было у неё три сестры одногодки. Первая – чин по чину. Вторая – фригидна, как дохлая рыба. А третья – натуральная блядь, двух секунд утерпеть не могла. Вот и поди разбери, что за краля мне досталась. Но сегодня наша брачная ночь, и сейчас мы всё про неё разузнаем.

Сжимающие «невесту» пальцы дрогнули на её ребристом теле.

– Не вздумай!!!

– Отчего же? – придал Стас лицу нарочито удивлённое выражение. – Или ты разуверился в высшей справедливости?

– Чего тебе надо?

Стас отодвинул в сторону направленный на него ствол и приобнял Звягинцева левой рукой за шею.

– Пойдём-ка, прогуляемся наедине до наших новых командиров. Гляди, какая ночь чудесная.

Отчего-то многие полагают, что у моих коллег по цеху чёрствое сердце. Они, мол, не способны сопереживать чужому горю, да и сами скупы на эмоции. Профессиональная деформация личности, как у хирургов или палачей. Бездушные твари, холодные, словно рыбы. Это заблуждение. Под суровой покрытой шрамами оболочкой таится нежная податливая мякоть, которую легко ранить неосторожным словом, косым взглядом, неуместным покашливанием, плохими манерами, смрадным дыханием или просто смурным ебалом, маячащим пред светлыми очами этих замечательных людей с тонкой душевной организацией. Они отнюдь не затворники, как принято думать, и легко идут на контакт, стоит задеть нужные струны внутри. И, будьте уверены, ваше горе, ваша боль, ваши слёзы обязательно вызовут их по-детски искренний эмоциональный отклик. А всё потому, что они любят жизнь и знают её цену. Меня зовут – Коллекционер, я – охотник за головами, и это – моя история.

Глава 1

Дружба – такое простое и тёплое слово, произносишь, и будто шерстяной плед на плечи ложится, мягкий, шелковистый. Ты кутаешься в него, не подозревая, что он кишит чумными вшами. Нет ничего подлее дружбы. Её воспевают в героических эпосах, про неё слагают стихи и песни, распро-

странья эту заразу вокруг. По мне так куда достойнее было бы прославлять рабство, там, по крайней мере, всё чётко и честно. А что такое дружба? Доверие, взаимовыручка, самопожертвование? Сам погибай, а товарища выручай – вот он, краугольный камень подлости. Простой пример – кабацкие тёрки, двое против десяти, один из пары друзей навалился и оказался в заднице окружённый толпой жаждущих крови мордovorотов. Но второй не спешит ему на выручку, отчётливо видя предсказуемый финал. Вот кто-то из десяти уже достал нож, другой – разбил бутылку о стол. Окружённый оборачивается, призывно смотрит на друга, а тот бочком-бочком и к выходу. Подло с его стороны? Ещё бы, кинул кореша, как последняя проблядь. И охуевая от такого поворота, кинутый уже щупает кишками перо, а в глазах растерянность и непонимание – «А как же наша дружба?! Я доверял тебе!», хрип, стоны, темнота. И у человека, не обделённого логическим мышлением, тут должен возникнуть вопрос: «А чего ты, собственно, ждал? Самопожертвования? Так вот же оно. Ты умираешь, он – твой друг – продолжает жить. Возрадуйся! Что, не угадал? Ты хотел самопожертвования от него? Вот в чём дело... А схуя ли? Он должен был подохнуть с тобой за компанию? И тебя бы это порадовало? Должен был хотя бы попытаться помочь? Но ведь ты бы постарался отговорить его, кричал бы «Беги, я их задержу!»? Кажется, так поступают друзья. Но нет, вот ты лежишь в луже крови и совсем приуныл, потому что друга нет ря-

дом, а ты на него рассчитывал. Ты хотел использовать его, а вместо этого он поимел тебя». Таков конец любой дружбы, и иного быть не может по определению. По крайней мере, между двумя равноценными личностями. В противном случае это уже подчинение со взаимодействием «хозяин-питомец» – мерзкий суррогат раболепия и неразделённой любви, который зачастую ошибочно принимается за дружбу. Но даже он мене подлый.

Перед муромскими воротами стояли два танка и пяток БМП с задраенными люками. Ядовитое облако давно осело за стеной, солнце показалось над лесом, но Легион не спешил с началом штурма.

– Долго ещё ждать? – опустил я бинокль и подошёл к Павлову, с блаженным видом занимающемуся набивкой магазинов. – Семь утра, а вы не чешитесь.

– Как только прикажут, так сразу, – невозмутимо ответил тот. – Горит?

– Да, триста шестьдесят золотых ляжку жгут, только вот чужую, а хотелось бы, чтоб мою.

– За бомбу?

– За красивые глаза.

– А чего сразу не рассчитались?

– Хотят удостовериться, что не фуффло подсунули. А для этого надо войти в город и засвидетельствовать, что его покрывает достаточное количество качественных трупиков му-

ромчан. Не понимаю, чего они тянут. Из-за стены ни звука, ни движения.

– Успокойся, Легион по счетам платит. Иначе за нами бы не шли.

– Очень надеюсь.

– А дружок твой где?

– Помериться хочешь? – поправил я хозяйство.

– Я про Стаса, – пояснил лейтенант свой дурной каламбур.

– Он мне не дружок, а партнёр. Деловой партнёр, если понимаешь, о чём я.

– Отчего же не понять?

– Ну, не знаю, я до сих пор среди легионеров ни одной бабы не заметил. Может, вы того, неделовое партнёрство у себя развели. Так вот тут всё иначе.

– У нас есть женщины, – усмехнулся Павлов, продолжая набивку магазина. – Просто, они обслуживанием занимаются, а не строевую службу несут.

– Тебя хоть чем-нибудь можно пронять?

– В смысле?

– Какого хера ты такой спокойный? Я тебя практически пидором назвал, а ты скалишься и терпеливо объясняешь. Тебе в питьё что-то добавляют или внутривенно подпитывают? Вас ведь с Сатурном в одной лаборатории делали, но он сейчас попытался бы мне что-нибудь оторвать, прежде чем ответить.

– Пожалуй, – кивнул Павлов. – Старшие Братья – ходячий тестостерон, их такими задумали.

– А вас – нет?

– Профиль другой, – пожал лейтенант плечами. – Наше дело – красться в темноте, лежать часами без движения, глядя в прицел. Но я слышал, что первые образцы диверсантов не отличались психологической стабильностью. Генетика – штука непростая.

– Первые образцы?

– Да. Как и в любом серьёзном начинании, тут не обошлось без проколов.

– А что с ними стало, с этими первыми образцами?

Павлов оторвался от своего медитативного занятия, приподнял очки и уже раскрыл было рот, как чёртов ходячий тестостерон, обладатель почётного титула «Этосекретная информация» вылез из палатки и бесцеремонно вклинился в наш размеренный диалог:

– Лясы точите? – перевернул Сатурн пустой цинк и придавил его своей мускулистой задницей.

– Если ответу, ты уйдёшь обратно? – поинтересовался я, лелея призрачную надежду.

– Не, мою крошку уже до дыр затёр. Если почищу ещё раз, она рассыплется.

– Так потри что-нибудь ещё.

Сатурн насупился и выпятил нижнюю губу:

– У тебя очень грязный рот. Даже когда из него вылетают

обычные слова, они замараны.

– Может, дело в твоих ушах? Ты об этом не думал?

– С моими ушами всё в порядке. За языком следи.

– Знаешь, это очень глупо – интерпретировать чужие слова и винить говорящего их за свою извращённую интерпретацию.

– Чего?

– Он говорит, что ты превратно истолковал его заявление, – попытался разъяснить Павлов, не осознавая тщетность этой затеи.

– Превр... Да пошли вы, – Сатурн встал и направился обратно в палатку, искать новое место приложения своему неуёмному энтузиазму.

– Ты только что послал офицера, – не преминул я напомнить блюстителю всевозможных правил о субординации, но был проигнорирован и обратил своё негодование в сторону Павлова: – Они все такие припизднутые?

– Да, – улыбнулся тот, взявшись за набивку очередного магазина.

– А первые диверсанты, они тоже были... импульсивными?

– Не знаю, я их не застал.

– Хм. Ты, вроде, не особо зелёный. Почему не застал?

– Ну, – вздохнул Павлов, – там ведь как... О! Вот и он, партнёр твой, деловой.

– Что? – раздался за спиной знакомый и такой раздража-

ющий именно сейчас голос. – Кол, отойдём на пару слов?

– Это не подождёт? – обернулся я.

– Нет.

Станислав был сам не свой. Он заметно нервничал, лицо покраснелось, а глаза горели, как у школяра в женской бане.

– Мы тут вообще-то толкуем... – предпринял я попытку внушения, отойдя с назойливым деловым партнёром, но был грубо проигнорирован, уже второй раз в течение минуты.

– Я прикончил Звягинцева, – выпалил Стас.

– Того самого Звягинцева?

– Да. Лежит километрах в пяти отсюда, на Владимирском тракте.

– Э-э... У меня два вопроса: первый – зачем ты это сделал, второй – с чего это тебя так веселит?

– Самооборона. Было приятно, – блеснул Станислав лаконичностью.

– Каким хером ты вообще с ним столкнулся? И где тебя всю ночь черти носили?

– Ну, тут всё сложно. Помнишь, ты говорил про судьбу, дескать, от неё не уйти? Так я решил проверить. Капитан сказал, что «союзники» Владимирский тракт перекроют, я и подумал: «А кому его перекрывать, как не Звягинцеву с бандой, которые там кормятся?». Дождался их, и вот... – расплылся Станислав в полубезумной улыбке.

– Что «вот»?

– А сам не видишь? – развёл он руками. – У судьбы на

мой счёт другие планы.

Я подошёл ближе и заглянул в горящие глаза новообращённого фаталиста:

– Да ты ебанулся, Станислав.

– Нет, ты не понимаешь...

– Отлично понимаю. Ебанулся на почве вины за гибель божьих агнцев муромских, и сам решил за ними последовать. Но вот что случилось после – не совсем ясно. Зачем ты угробил своего вождя изобавителя?

– Я передумал.

– Передумал умирать?

– Да, знаешь, я спросил себя: «А схера ли? Почему какая-то мразота должна ставить точку. Я – чёрт подери – не для того столько лет со смертью под руку хаживал, чтобы кто попало мне мозги вышиб. И вообще, раз уж с Муромом так вышло, стало быть, и про это в книге судеб запись имеется. Всё предрешиено. Чего ж я тогда парюсь? Верно? А если не предрешиено, значит, нет никакого высшего разума, ни греха, ни расплаты за него. Мы сами себе судьи и палачи. Жизнь – штука жестокая.

Я уже видел такой взгляд, и разговоры такие тоже слышал, и могу сказать с уверенностью – от этих философов добра не жди. Ни один хоть немного здоровый на голову индивид не станет толкать речи в оправдание себя перед тем, кто его не обвиняет. Если тебе не повезло, и ты являешься ущербным обладателем совести, приходится следить за её

чистотой. Абсурдная человеческая натура так устроена, что в случае критического загрязнения этой деструктивной субстанции, начинает разрушаться, выедаемая изнутри иррациональными эмоциями – угрызениями. Индивиду может казаться, что его совесть очистилась, но это – самообман, и разное хуеплётство типа «не я такой, жизнь такая» льётся наружу бурным потоком сквозь трещины шаблона. Вся зыбкая конструкция, на которой зиждется его представление о смысле жизни, идёт вразнос, усугубляя и без того запущенную ситуацию в голове. А для психического здоровья нет ничего разрушительнее, чем обесцененность собственной жизни. Индивид, утративший базовые инстинкты, заложенные самой природой, перестаёт быть сколь либо предсказуем и становится опасен для окружающих, в самом худшем смысле. По-хорошему, отбросив разный околоэтический мусор, подобных особей следует выпиливать из социума любыми доступными способами. Я за годы ударного труда внёс немалую лепту в дело очищения человечества, но... Чёрт подери, это же Станислав. Липкая от своей приторной сути мысль склеила нити моего сознания в омерзительный ком. Когда этот туповатый тип успел стать чем-то большим, нежели одним из множества представителей белковой формы жизни? Глядя в эти наивные карие глаза, я вынужден был признать, что их обладатель стал мне почти так же небезразличен, как Красавчик, до такой степени, что размышление о его умерщвлении вызывало слегка неприятное чувство грядущей утра-

ты.

– Кто-нибудь видел?

– Только я.

– А банда?

– Осталась на тракте. Мы ушли вдвоём.

– Хорошо. Давай так, Станислав, эта красивая история останется нашим с тобою секретом, а ты пока постарайся как можно меньше отсвечивать, возьмёшь себя в руки и не будешь делать глупостей до тех пор, пока причитающееся золото не ляжет в мой карман. Нет, – добавил я, подумав, – до тех пор, пока я со своим золотом не удалюсь отсюда на безопасное расстояние. Вот тогда можешь пускаться во все тяжкие и предаваться саморазрушению.

– О чём ты?

– Ладно, оставь лирические мотивы в стороне. Суть моей просьбы тебе ясна?

– Яснее не бывает.

– Это всё, что я хотел услышать.

– Постой, – бесцеремонно схватил он меня за рукав, – ты чего-то не договариваешь?

– Разве я не просил обойтись без глупостей?

– Извини, – вскинул Станислав руки. – Не знаю, что на тебя нашло. Звягинцев тебе задолжал?

– Не произноси эту фамилию, – понизил я голос до шёпота. – Ты что, не соображаешь? Твоя выходка – отличный повод разорвать с нами договор. И они не станут разбирать-

ся, заодно мы были или нет. Так что прикинься ветошью и молись, чтобы никто из банды не заявился сюда раньше времени и не признал твою рожу.

– Угрожаешь?

Надо было кончать этого мудака, когда был шанс, отвести чуток подальше и зарезать, никто бы и искать не стал. Глупо, очень глупо с моей стороны.

– Я никогда не угрожаю, но в редких случаях, сделав исключение из правил, информирую. Так вот, прими к сведению – если облажаешь мне дело, я превращу остаток твоего никчёмного жизненного пути в незабываемое рандеву по миру боли и ужаса.

– Слишком выпренно.

– Думаешь? А так? – прижал я нож к гениталиям критика.

– Так лучше. Ладно-ладно, я всё понял.

– Безмерно рад. А теперь зафиксируйся на месте и постарайся не думать о высоком.

Вернувшись, я застал Павлова рассовывающим набитые, промаркированные и снабжённые язычками для быстрого извлечения магазина по разгрузке и подтягивающим регулировочные ремни в зависимости от распределённого веса. Вероятно, если оставить его в одиночестве на неопределённое время, он сумеет достичь идеала в подгонке всего снаряжения, а чихнув, найдёт впоследствии лекарство от рака.

– Порядок? – поинтересовался лейтенант, заметив меня, и как всегда радушно улыбнулся.

– Прощу прощения, нас прервали, – сел я напротив, рассчитывая продолжить познавательную беседу. – Так ты говорил, что не застал первых диверсантов.

– Угу.

– Что с ними произошло? Не на волю же их отпустили.

Павлов вздохнул, и я приготовился окунуться в тайну, как вдруг чей-то зычный голос объявил двухминутную готовность.

Глава 2

Над тем, что есть смерть, я впервые задумался годам к шести. До того, как ни странно, перевод живых организмов в состояние вечного покоя воспринимался мною примерно так же, как разборка на составные части занятого механизма, с той лишь разницей, что, будучи собранной обратно, крыса или ворона не возвращалась к нормальному процессу функционирования, а превращалась просто в несколько шматов гниющей плоти. Это меня расстраивало, и я пробовал снова, и снова, и снова, но результат всегда был плачевен. Однажды Валет застал меня за очередным изысканием и в свойственной себе манере объяснил, что «нечего хуйнёй страдать» и «мёртвого не починишь». Я пытался спорить, приводил неопровержимые доводы в пользу своей теории – демонстрировал, как аккуратно я разделил организм подопытного на составные части, что комплектация в порядке и

ничего не утеряно – но Валет был непреклонен. «Запомни, сопляк», – говорил он, попирая грязным сапогом мой научный проект, – «всё, что сделано из мяса, обречено умереть». «Но почему?!» – вопрошал я, чуть не плача. «Потому, что жизнь – говно, а природа милосердна».

Муром отмучился, милосердие накрыло город с головой и утопило. Когда ворота отворились, и тёмные нити идущих след в след автоматчиков растеклись, приликая к стенам его домов, когда боевые машины, харкая дизельной гарью, поползли по его улицам и площадям, когда громадные закованнные в броню монстры попрали тяжёлой поступью стриженный газон возле муромской управы... Я... Не знаю, как передать это словами. Что-то зашевелилось в груди, и слёзы навернулись на глаза. Жгучие, солёные слёзы счастья. Триста шестьдесят золотых!!! Вашу ж мать! Мы сделали это! Я с трудом сдерживал эмоции, хотелось подбежать к каждому скорчившемуся облеванному, обгаженному трупу и расцеловать его! Триста шестьдесят золотых!!! Жаль, конечно, что лишь половина из них моя, а Станислав не женат. Я с удовольствием «передал» бы безутешной вдове долю безвременно почившего боевого товарища.

Прошедшийся по Московской улице танк растолкал мертвецов опущенным отвалом, и теперь насыпи мясного мусора отделяли проезжую часть от тротуаров, заменив давно изношенные бордюры. Чересчур тонкие части тел, попавшие в зазор и угодившие под траки, превратились в алую разметку

на асфальте. Трупы были повсюду: лежали вдоль стен, подпирали собою двери подъездов, свисали из окон, придавив герань в ящиках. Солнечные лучи ласкали кожу последним осенним теплом, лёгкий ветерок гнал опавшие листья и обдавал волнами тонких ароматов разложения. Я влюбился в этот город.

Тут бы присесть на скамейке с фляжечкой доброго самогона и наслаждаться моментом, но деловые партнёры не для того изрыгнуты преисподней на Землю, чтобы хорошие люди могли получать удовольствие от жизни.

– Ты куда? – окликнул я Станислава, целенаправленнодвигающего в сторону управы. – Наше дело сделано.

– Я должен убедиться.

– Уймись. Никто не выжил.

– Ты этого не знаешь.

– Там сейчас битком легионеров. Даже если остались живые, им не позавидуешь. Остынь. Давай просто присядем и дождёмся, пока всё немного утрясётся, потом заберём своё золото и разбежимся в разные стороны.

– Делай что хочешь.

Вот мудак. Придётся идти с ним и следить, чтобы не добавил новых глупостей к имеющемуся списку.

Возле дверей управы красовались два Старших Брата с «Кордами» поперёк могучих грудей и, приметив издали парочку иррегуляров, принялись деловито потирать холодные тела своих питомцев.

– Свято место пусто не бывает, – посетовал Станислав, подходя ближе.

– Распределим роли – я говорю, ты молчишь.

– Считаешь себя мастером переговоров? Зря.

– Неужели? А после твоих дипломатических успехов города травят газом.

– Убедил.

– Здравия желаю, служивые, – поприветствовал я охрану. – Нам бы с вашими командирами потолковать. Они здесь? Ладно, мы сами найдём.

– Назад, – упёрся мне в грудь ствол пулемёта.

– Да ты чего, солдатик? Мы на одной стороне, – продемонстрировал я повязку Легиона, и кивнул на такую же у Станислава.

– Никто не войдёт. В здании производится выемка документов, – подал голос второй верзила.

– Хорошо. Тогда позовите кого-нибудь. Репин, Ледовый, Павлов на худой конец. Есть тут офицеры?

– Отойдите от дверей и держите руки на виду.

– Ого! – отшатнулся я, получив тычок стволом. – Да у нас тут, похоже, целый генерал, если судить по решимости. Давай так...

– У меня в рюкзаке бомба с БОВом, – перебил Станислав, – а это, – продемонстрировал он зажатую в кулаке авторучку – «детонатор мертвеца». Или вы позовёте офицера, или я зачищу город второй раз.

От такого даже я слегка охуел. Наши же оппоненты застыли на месте, будто их разбил паралич.

– Палец затёк, – добавил Стас после десятисекундной немой сцены.

– Э-э... – поднёс Старший Брат рацию к губам. – Вызывает пост номер один. Приём.

– Говорите, – донеслось из динамика.

– У нас тут... Вам лучше подойти.

Через минуту дверь открылась и на пороге появился Репин.

– Что стряслось? – обратился он к дышащему через раз часовому.

– Не пропускают, – ответил за того Станислав и убрал сопровождаемую двумя парами округляющихся глаз авторучку в нагрудный карман. – А у нас незаконченные дела, если помните.

– Ах ты... – сдавлено прорычал Старший Брат.

– Есть, что сказать, рядовой? – повернулся к нему Репин.

– Никак нет, – вытянулся великан по стойке смирно.

– Я ничего не забыл, – продолжил капитан, вернув внимание Станиславу. – Но вы должны понимать, что сейчас не лучший момент. Оплата в пути. А пока вас расквартируют и поставят на довольствие.

– И как долго путь? – поинтересовался я, ощущая чувство неудовлетворённости, переходящее в лёгкую тревогу.

– Двое-трое суток. Сумма немалая, её нужно собрать и

доставить под надёжной охраной. Ждите здесь, я пришлю сопровождающего, – развернулся капитан.

– Один вопрос, – окликнул его Станислав. – Что с Грицуком?

– Пока не нашли, – бросил тот через плечо и захлопнул за собой дверь.

– Не нашли... – повторил Станислав, игнорируя нависшего над ним мутанта с оскаленными клыками. – Эта сволочь жива.

– Да с чего бы? Эй, отвали, солдатик, – взял я несостоявшегося смертника за плечи и бережно отвёл подальше от борющихся с желанием разорвать нас Братьев. – Вовсе не факт. Скорее всего, валяется где-нибудь в канаве. Отыщут.

– Я его упустил.

– Дался тебе этот Грицук. Кто он такой без Мурома? Даже если не подох, куда пойдёт? Он себе врагов нажил больше твоего. По ту сторону стены Грицук и недели не протянет. Ты своего добился, так или иначе.

– Утешаешь меня? – поднял брови Станислав.

– Похоже на то, – нехотя согласился я.

– И почему же? Позволь узнать.

– Ты последнее время выглядишь нуждающимся в утешении. Ну, знаешь, как побитая баба, которая лыбится, всхлипывая. Брось, дружище, – раскрыл я объятия, – иди сюда, поплачь.

– Думаешь, ты крутой? – презрительно прищурился Ста-

нислав. – Весь такой из себя непрошибаемый циничный ублюдок, машина смерти? Я вижу тебя, – осклабился он как-то неприятно и ткнул меня пальцем в грудь. – Вижу.

– Отлично. Слепым ты был бы уж чересчур жалок.

– Это они? – появился на крыльце управы человек в форме и, получив от всё ещё излучающего ненависть часового утвердительный кивок, направился к нам. – Сержант Ерофеев, – козырнул он небрежно. – Мне поручено сопроводить вас к месту расквартирования.

– Ты, главное, покажи, где харчеваться, а крышу мы сами подыщем, – выдвинул я встречное предложение.

– Никак нет. У меня вполне чёткие инструкции на ваш счёт. Прошу за мной.

– Ну, раз чёткие... Пойдём, Станислав, пока никто не увидел твоих слёз.

Сержант привёл нас к бывшим казармам СБешников, вокруг и внутри которых уже всюду шныряли легионеры, таская из грузовиков имущество и складывая в кучу трупы прежних постояльцев.

– Сюда, – отворил он дверь каптёрки, заполненной скрученными матрасами.

– Что за херня, сержант? Мы разве не в строю? – поправил я повязку с кулаком.

– Здесь тесновато для двоих, – заметил Станислав.

– Я лишь выполняю приказ командования, – поджал губу Ерофеев. – Сортир за углом. Помещение казармы без острой

нужды лучше не покидать, для вашей же безопасности. Приём пищи будете осуществлять на месте.

– Вот за что люблю военизированных ребят, так это за постоянство и предсказуемость.

– И... – замялся сержант, – оружие надо сдать.

– Ни за что, – отрезал Станислав.

– Но...

– Твоя контора нам задолжала. Много. Хочешь забрать у меня что-то ещё – убей и забери, или иди нахуй.

– А на меня что смотришь? – пожал я плечами. – Ты всё слышал, выполняй.

Ерофеев обречённо вздохнул и убрался восвояси.

– Они нам не заплатят, – швырнул Станислав матрас к стене и уселся.

– Откуда такие выводы? – последовал я его примеру.

– Можешь считать это бабской интуицией.

– Если б не собирались платить, уже пристрелили бы.

– Ещё не вечер.

– Экий ты мнительный стал. Где же твоя вера в человечество?

– Кидать партнёров – давняя человеческая традиция. Не знал?

– Я эксперт по человеческим традициям. Но иногда приходится уповать на удачу. И на здравый рассудок заказчика. Тебя-то они может и прихлопнут, а я – скажем без лишней скромности – персона достаточно известная в определённых

кругах, и моё исчезновение здорово подпортит Легиону репутацию. О нашем сотрудничестве много кто наслышан, поползут слухи, слепни... И напротив – честная оплата моих услуг сделает Легиону хорошую рекламу. А наёмники им совсем скоро ой как понадобятся.

– То-то, гляжу, ты поднаторел в утешении. Теперь понятно почему.

– Коль такой умный, чего сюда припёрся? Дохлого Грицука обоссать?

– Хотел увидеть результат.

– Понравилось.

– Нет.

– А чего ожидал?

– Сам не знаю. Хотелось убедиться, что всё не зря, что зло наказано. Давай, смейся, не держи в себе.

– Зло нельзя наказать, Станислав. Зла нет. Равно как и добра. Есть только интересы и способы их отстаивания. Какие-то мене грязные, какие-то более, но все они продиктованы сугубо прагматичными соображениями. По нашей земле не ходят сатанинские отродья с копытами, и ангелы крылатые в небесах не парят. Даже распоследний маньяк, пожирающий младенцев, делает это, руководствуясь своими большими интересами, а вовсе не под влиянием чистого зла. Вот ты, например, потерял бабу, а в отместку потравил целый город. С точки зрения этих несчастных, ты – зло. Но сам-то ты наверняка так не считаешь. Грицуку, отдавая приказ, тоже

не советы дьявола слушал, а заботился, по-своему, о благополучии Мурома. Никто не запретит тебе его ненавидеть, а поймав, откромсать кусок-другой ради потехи, но это точно не дилемма добра и зла. Даже с натяжкой не она, ведь ты преследуешь исключительно эгоистичную цель – отомстить. И даже не за ту бабу, а за себя, за свою поруганную гордость.

– Её звали – Катерина.

– А фамилия? Кто родители? Сколько лет? Какой цвет нравился? М? Ты нихера не знаешь о своей единственной любви. Спутался с ней, когда тебя уже изрядно подзаебали муромские, и зуб на них имелся. А её смерть... Не в том причина, просто, это стало последней каплей. Знаешь, как бывает, зарезал муж жену, и пошли разговоры, дескать, лаялись они перед тем из-за невытой посуды. За тарелку грязную, то бишь, муженёк её в пузо пырнул. Но люди не убивают друг друга за посуду. Они копят ненависть годами, десятилетиями, прежде чем выплеснуть, и всегда, в любой развязке есть та самая последняя капля. У тебя это мог быть, к примеру, плевков под ноги, но вышло так, что ею стала смерть Катерины. А знаешь, какова истинная причина? Ты попросту ненавидишь людей. Всех. Тебя заебли эти тупые, грязные, лицемерные, лживые, бесхребетные, ленивые, самодовольные твари. Тебя трясёт от них. Когда ты видишь перед собой очередную быдловатую мразь, мнящую себя человеком, твоя рука тянется к автомату. Ты убивал бы без разбора, направо и налево. Единственное, что тебя останавли-

вает – угроза быть убитым в ответ. Но, по-моему, этот тормоз заметно ослаб с момента нашего знакомства. Сегодня ты дважды готов был умереть, и я верю, что это не блеф. Ты слишком долго терпел, Станислав. Ты превратил себя в саркофаг собственной ненависти. Но последняя капля пробила в нём трещину, и теперь вся эта годами наращиваемая скорлупа разваливается на куски. С одной стороны, это прекрасно. Ты постепенно начал осознавать свою истинную натуру. Но с другой... Натура вышла слегка пизданутая. Грозить Легиону зачисткой, серьёзно? В этот раз повезло, но везение – штука непостоянная. Потребность убивать – это нормально. А вот с потребностью умирать нужно что-то делать. Для начала предлагаю прекратить терзаться думами о прошлом и принять себя таким, каков ты есть, со всеми своими достоинствами и недостатками. Да, это тяжело. Ты можешь возненавидеть себя. Я бы возненавидел. Но ведь у настоящего мизантропа и не должно быть любимчиков. Верно?

– Почему ты всё превращаешь в балаган? – скривился Станислав, до того внимательно и серьёзно выслушивающий мои нравоучения.

– Потому что, в масштабах вселенной, всё – хуйня. Покопайся в себе пока, а я вздремну. Просто поразительно, как ты умеешь заебать своей болтовнёй.

Надежда на лучшее. Столько жизнью было поломано этой безобидной на первый взгляд штукой. Она как сапоги, из которых вырастаешь, но снять и выбросить жалко, в лучшем случае. Чаще же надежда на лучшее – причина катастрофы. Поначалу с ней удобно, комфортно, она окрыляет, подстёгивает на движение вперёд. Ты видишь перед собой цель и стремишься к ней. Но со временем начинаешь понимать, что это движение ведёт тебя куда-то не туда. Ну как, не совсем прям в противоположную сторону, но с отклонением, небольшим, едва заметным. Всё вроде бы идёт по сценарию, за исключением мелочей. И ты говоришь себе: «Ерунда, такой пустяк не собьёт меня с намеченного курса». Ты продолжаешь придерживаться заданного надеждой вектора, плюя на один «пустяк» за другим. А их всё больше, но они такие незначительные. И Лучшее становится вроде бы ближе, но чуток в стороне, не прямо по курсу. «Вырулим» – говоришь ты и крутишь баранку надежды в сторону цели. Но проклятые «пустяки» уже забили шестерёнки рулевого механизма, и ты летишь на всех парах... Летишь мимо. А впереди, поперёк дороги, бетонная стена. Ты бросаешь через плечо последний взгляд на Лучшее, понимая, что это конец, и расширяешься о жестокую реальность.

Мой чуткий и трепетный сон был нарушен настойчивым стуком в дверь каптёрки как раз в тот момент, когда я по локоть погрузил руки в неподъёмный мешок, полный сверкающих золотых монеток. Пальцы рефлекторно коснулись хля-

стика кобуры, но пустой желудок, надавив авторитетом, велел им повременить.

– Жратва подоспела? Наконец-то, – размял я затёкшую спину.

– Не заперто! – крикнул Станислав, сняв автомат с предохранителя.

Но вместо румяного солдатика с бидоном горячей похлёбки в дверном проёме нарисовался сержант Ерофеев с кислой рожей и, прокашлявшись в кулак, сообщил:

– Вас в штаб вызывают.

– Зачем? – осведомился Станислав.

– Сказали – есть разговор, насчёт оплаты.

– Ого! – поднялся я с подушек и оправился. – Никогда в вещи сны не верил, и тут на тебе. Веди, сержант. Время славить героев.

В кабинете Грицука за длинным Т-образным столом сидели Репин и какой-то чумазый хрен, выглядящий так, будто полз на брюхе от самого Арзамаса.

– Присаживайтесь, – кивнул капитан на противоположную сторону стола.

Мы со Стасом, не сговариваясь, поправили автоматы и молча опустили на стулья, сверля глазами чумазого хрена.

– Это лейтенант Садовский, – представил того Репин. – Он введёт вас в курс дела.

– Погоди, капитан, погоди, – пробило меня на нервный смешок. – В курс какого такого дела? У нас с тобой дело

только одно – пересчёт трёхсот шестидесяти золотых, что Легион нам задолжал. О другом базара не было. А этот хрен с горы совсем не внушает оптимизма своей драной харей. Поэтому я решительно против выслушивания его историй, покуда на столе нет моих денег. Лучше заткнись, – посоветовал я Станиславу, сидящему с выражением рожи «Ну я же говорил».

– Вы закончили? – проскрипел Репин.

– Да, закончил, и намерен вернуться к месту расквартирования, чтобы дожидаться там честной платы за свои услуги, оказанные в полном объёме и надлежащем качестве, – встал я из-за стола.

– Сядьте.

– Чего ради? Я и сам могу сочинить с десяток увлекательных сказочек о том, как мои денежки утонули, провалились под землю или растворились в воздухе. Только вот беда – сказочки в качестве оплаты никто не принимает.

– Сядьте! – хлопнул вдруг Репин ладонью по столу.

– Хорошо, – исполнил я настоятельную просьбу. – Что теперь?

– Теперь он будет говорить, а вы будете слушать. Начинайте уже, лейтенант.

– Нас атаковали километрах в двадцати западнее Арзамаса.

– Всё, можешь не продолжать, – перебил я рассказчика. – Нихуя не заинтриговал. Давай сразу пропустим весь этот

трёп, и капитан нам скажет: «Ребятюшки, ваше бабло у бригад. Желаю удачи».

– Это не бригады, – помотал башкой Садовский. – Не думаю, что они.

И вот теперь, признаться, стало любопытно.

– Продолжай.

– Мы шли колонной из семи машин: три БТРа, три БМП и «Урал». Первой подорвалась головная БМП. А секунды спустя начался суший ад. По нам стали бить со всех сторон, казалось, даже сверху. Два БТРа сожгли сразу, оттуда никто и выскочить не успел. Остальные рассыпались, заняли круговую оборону. Только всё впустую. Мы даже не понимали где враг. Я решил, что нас обстреляли с РПГ, но ни вспышек, ни звуков выстрела, ни дымных трасс... Вообще ничего. Только взрывы, из ниоткуда. Одним меня отшвырнуло в сторону от колонны, в канаву. Контузило, наверное. Очнулся только к вечеру. Машины ещё горели, трупы повсюду. Оружие, боеприпасы, рации, горючка – всё пропало. Даже электрику вырвали подчистую. Ну и золото, конечно, тоже...

– Сочувствуем вашему горю, – облокотился о стол Станислав, разглядывая рисунок древесных волокон. – Только при чём тут мы? Это было ваше золото, не наше.

– Это всё золото, что было в распоряжении Легиона, – взял слово Репин. – Чуть меньше двухсот кило. В том числе и ваша доля.

– Ну... – попытался я прикинуть масштабы. – Вы круп-

но попали. В таких форс-мажорных обстоятельствах считаю своим долгом пойти вам на встречу. Мы готовы взять обещанное стволами и патронами. Да, и не забудьте присовокупить грузовик, чтобы вывезти наше имущество.

– Исключено, – отрезал Репин.

– То есть как это «исключено»? Капитан, так дела не делаются.

– Мы обещали платить золотом, и мы заплатим золотом.

Но сначала это золото нужно вернуть.

– Знаешь, как такое называется?

– Разыщите нападавших, передайте координаты.

– Кидалово – вот как.

– И если информация подтвердится...

– О! В ход пошли «если»!

– ...мы удвоим ваш гонорар!

Я поборол желание продолжить диалог на повышающихся тонах и переглянулся со Стасом.

– Утройте, – заявил тот, недрогнувшим голосом.

– Давайте будем реалистами, – приподнял руки капитан.

– Я более чем реалистичен, – поджал губу Станислав. –

Посчитаем. Одна монета весит десять граммов. У вас пропало около двухсот кило. Это порядка двадцати тысяч монет. Триста шестьдесят – за бомбу. Остаётся семьсот двадцать – меньше четырёх процентов от суммы, при том, что обычная ставка в таких делах – пятнадцать. Мои условия не просто реалистичны, они невероятно щедры. И щедрее уже не ста-

нут. Тем временем обстановка по эту сторону Оки накаляется, очень скоро вам понадобятся наёмники в больших и очень больших количествах. Коврову есть, чем оплатить их услуги. А вам? Давайте будем реалистами.

Репин как-то нервно ощерился и погрозил Станиславу пальцем, покачиваясь на стуле:

– Вы... Это шантаж.

– Это деловые переговоры. Я назвал свои условия. Соглашайтесь, или отказывайтесь, никто не принуждает. Может быть, ваши ребята и сами справятся с этой задачей, на пустошах, среди психов и каннибалов. Или можете нанять кого-то ещё, подешевле. Дайте объявление. Тут ведь нет ничего секретного. Подумаешь, Железный Легион – банкрот. Видите, как много разных вариантов решения проблемы? Выбирайте.

– Мне нужно переговорить с командованием, – почти отшвырнул стул Репин и вылетел из кабинета.

– Кому ты ещё докладывался, лейтенант? – обратился я к оставшемуся в одиночестве Садовскому.

– Больше никому, – помотал тот головой, будто оправдываясь.

– Хорошо. А теперь давай подробности. В каком часу произошло нападение?

– Около полудня, между двенадцатью и тринадцатью часами. Точнее не скажу.

– А очнулся к вечеру?

– Да.

– Как ты так быстро оказался в Муроме?

– Я добрался до базы святых...

– Дерьмо. Ты продолжай-продолжай.

– ...и они дали машину с водителем.

– Это, наверное, потому, что ты рассказал им, насколько всё произошедшее важно?

– Мне пришлось.

– Что конкретно ты рассказал?

– О нападении, где, когда. Про груз я не говорил.

– Там уже ничего не осталось, – откинулся на спинку стула Станислав. – Готов спорить, они даже песок дорожный просеяли.

– Да, – согласился я, – улики можно не искать. Ты продолжай, лейтенант, продолжай.

– Ещё они позволили воспользоваться их рацией, и я связался с муромским штабом.

– В разговоре груз упоминался?

– Нет. Вы меня за идиота держите?

Станислав глубокомысленно округлил глаза, но отвечать не стал, как и я.

– Кто из святых с тобой общался?

– Сам отец-настоятель.

– Опиши разговор.

– Да, собственно, всё тоже, о чём я вам рассказал – время, место, состав колонны, обстоятельства атаки. Спросил ещё,

с какой целью в Муром шли. Я ответил, что подкрепление. Ещё – не знаю почему – он на проводке внимание заострил. Ну, которую из машин вырвали. Аккумуляторы, кстати, тоже сняли, и Фома спросил об этом сам, я не заикался даже. Мне странным показалось.

– А ты смекалистый.

– Дети Пороха и раньше нападали на Легион, – заметил Стас. – Знаешь таких?

– Да, – кивнул Садовский.

– Почему думаешь, что не они?

– Я же говорю, не было машин, и людей не было вокруг. У Детей Пороха примитивные ракеты на дымаре, их разве что слепой не разглядит. И пулемётами они активно пользуются. Тут же – ни единого выстрела. Понимаете? Будто из воздуха «Бах!!!», и ничего больше.

– Может, мины? – предположил я.

– Первая машина, возможно, и наехала на фугас. А остальные? Колонна встала. Рвалось со всех сторон.

– Про дистанционный подрыв не слышал?

– Слышал, – передразнил меня Садовский раздражённо. – Но не думаю, что они успели закрепить взрывчатку на бортах и крышах наших машин. Вы не воспринимаете всерьёз то, что я вам говорю! Мы подверглись атаке неустановленного противника, оснащённого лучше, чем мы! Колонну бронетехники вместе со взводом порвали на куски меньше чем за минуту, а вы сидите тут и строите из себя всезнающих ум-

ников!

– Тщ, – поднёс я палец к губам, – спокойнее. Ты же не хочешь посеять панику? У вас и без того дела так себе.

– Да, – выдавил лейтенант, силясь унять негодование. – Просто... мы не были к такому готовы. Я не был готов.

– Колонной командовал ты?

Садовский молча кивнул.

– И ты – единственный, кто выжил? – уточнил Стас.

– Я понимаю, куда вы клоните. Но, уверяю, это не так. Иначе, зачем мне возвращаться?

– Мечты, шанс, сговор, кидалово, отчаяние, надежда, – построил Станислав нехитрую цепочку.

– Я бы никогда...!

– Брось. Два центнера золота – хороший стимул, любой сможет поставить себя на твоё место, дело житейское. Просто, скажи правду и избавь всех от ненужных хлопот. Пуля в затылок – одна из лучших смертей, какие можно представить.

Лейтенант побледнел и зашатался.

– Колись, дружище, – попытался я дожать подозреваемого. – Снимешь груз с души, сразу полегчает. А вся эта офицерская честь, долг, и прочая тряхомудия – забей. Ты хотел жить красиво, у тебя не вышло. Ну, что ж тут поделаешь? Зато умрёшь молодым и здоровым, а этим неудачникам ещё руки-ноги в бою поотрывает. Поэтому – мой тебе совет – махни на всё рукой, скажи: «Пошло оно в пизду!», и сознай-

ся. А на счёт пули в затылок мой деловой партнёр абсолютно прав, ты даже выстрела не услышишь.

Садовский согнулся и наблевал под стол.

– Какого чёрта здесь происходит? – вернулся капитан, неся в руке четыре бумажки.

– Поплохело герою, – ответил я. – Должно быть, посттравматический синдром.

– Выпейте, лейтенант, – плеснул Репин в стакан из графина и поставил перед страдальцем, после чего обратил своё внимание на нас: – Командование даёт добро. Вы получите оговорённую сумму. И теперь, – положил он передо мной и Станиславом по две бумаги и ручку, – мы всё оформим, как полагается.

– Забавно, – ознакомился я с заверенным печатями контрактом. – И что же, если платить откажетесь, нам с этим вот в мировой суд обратиться? Процесс «Коллекционер и Вдовец против Железного Легиона»?

– Можете не подписывать, если не хотите.

– Нет, – взял Станислав ручку, – мы подпишем. И, если кинете нас, снова, будем показывать каждому встречному, сопровождая задушевной историей.

– Точно, – поставил я автографы. – Глядишь и выпивкой угостят. Кстати, как насчёт аванса? Поиск информации – дело затратное.

– Сейчас казна пуста, – развёл капитан руками. – Но если вам нужна экипировка и амуниция...

– Не откажемся, – передвинул Станислав подписанный экземпляр заказчика к противоположному краю стола.

– Полученной информации достаточно?

– Более чем, – закончил я с бюрократией.

– Отлично. И ещё, чуть ни забыл, вам в помощь будет придан лейтенант Павлов.

– Это ещё для чего? – состроил недовольную мину Станислав.

– В помощь, – повторил Репин. – Кроме того, я вам не доверяю. Павлов будет информировать меня обо всём, что происходит. На этом предлагаю завершить нашу встречу и перейти к делам.

В арсенал Репин с нами не пошёл, выдал пропуска и сержанта Ерофеева с наставлением «не злоупотреблять». Кроме того удалось разорить Легион на заправленный под горло грузовик из муромского автохозяйства, двухсотлитровую бочку соляры и рацию, дабы наши странствия не затягивались, а ценная информация о ходе расследования оперативно поступала заказчику.

Как следует прибахлившись, затарившись провиантом и немного вздремнув, с первыми лучами Солнца мы подобрали Павлова и выдвинулись навстречу приключениям.

Глава 4

Пищеварительный тракт свиньи прекрасен, он принимает

от этого мира всё, что тот даёт, и превращает в говно. Овощи, корнеплоды, хлеб, икра, помои, антрекот по-бретонски – он из всего с равным успехом сделает однородную каловую массу. В том числе и из человека. Конечно, сытая свинья предпочтёт что-то менее жёсткое, но она никогда не бывает достаточно сыта. Если тот, кто работает со свиньями, надолго исчезает, соседи первым делом берут грабли и идут проверять, нет ли в загоне пряжек, пуговиц, монет и других неперевариваемых вещей. Заокская пустошь давно стала таким загонем, и нам понадобятся чертовски большие грабли, чтобы разгрести тамошнее говно.

– Бля! Не гони так! – посоветовал Стас сидящему за рулём Павлову и крепче вцепился в сидушку, надеясь уберечь голову от очередной встречи с крышей кабины.

– Разве нам не нужно спешить? – спросил лейтенант, глядя на меня. – Я думал, горячий след и всё такое.

– Сбавь, – согласился я со Станиславом. – Так от нас самих горячий след останется. Эта колымага, наверняка, войну помнит, прояви уважение к мощам.

Будто, вторя моим словам, ЗиЛок закричал и стрельнул глушителем, отчего Павлов тут же лёг грудью на баранку.

– Гляди, какой ловкий, – оценил Стас и сунул руку за пазуху. – А меня, похоже, зацепило.

– Очень смешно, – расправил плечи Лейтенант.

– Мне казалось, ты спокойнее, – заметил я. – Или так только на привале?

– Сократить вероятность поражения, минимизировав видимый силуэт при звуке выстрела – это логично, разумно и не имеет никакого отношения к состоянию моей нервной системы. А она, кстати, в полном порядке.

– Рад это слышать. Ты, главное, когда до реальной стрельбы дойдёт, силуэт не минимизируй слишком сильно. А то, знаешь, как бывает, на словах кремень, стальные яйца, а как жареным пахнуло, так и след простыл.

– Об этом можешь не беспокоиться.

– Я много о чём могу не беспокоиться, но обстоятельства, зачастую, мешают.

– Ты с карамультука-то своего, – кивнул Станислав на притороченную позади винтовку, – стрелять приспособлен?

– Это не карамультук, – заявил Павлов слегка обиженно, – а Штейр «Скаут».

– Впервые слышу.

– Не удивительно. Винтовка австрийская под НАТОвский 7,62.

– Стволик не коротковат? – глянул я в зеркало заднего вида. – И чего это прицел так далеко поставил?

– В самый раз ствол, лёгкий и разворотистый. А в прицел этот нужно двумя глазами смотреть, потому и стоит так, он малой кратности, два с половиной всего. Винтовка, конечно, больше для охоты загонной, чем для войны, но нравится она мне, удобная. А если прицел на шестнадцать поставить, то и поснайперить можно. Тоже есть, быстросъёмный. А ещё

банку можно навинтить. Маскировать не маскирует, зато по ушам не бьёт. Ложе, кстати, в сошки раскладывается.

– Толково. Смотри, как бы у тебя эту диковину заморскую не отобрали. Там, куда мы едем, народец ушлый.

– Для ушных у меня «Кедр» припасён, – похлопал лейтенант по висящей на левом боку кобуре.

– О, вот это дело, – оценил Станислав. – Дай посмотреть.

– Нет. Личное оружие никому в руки не даю.

– Суеверный что ли?

– Ревнивый, – предположил я. – Чего, рожу кривишь?

Признайся – подрачиваешь на него?

– Не отвлекайте от дороги, – резко съехал Павлов с оружейной темы, но Станислав тут же вернул его в прежнее русло:

– А у меня гляди какой, – вынул он свой ПБ и прикрутил насадок. – Нравится? Ну, я тебе свой подержать дам, а ты мне – свой.

– Блядь, прекратите, – как-то неуютно почувствовал я себя, сидя между ними.

– Не любишь оружие? – удивился Павлов.

– А ты любишь плоскогубцы?

– Что? При чём тут плоскогубцы?

– Это инструмент такой, для работы. Ну, любишь или нет?

– Я даже не знаю...

– Сейчас он тебе расскажет, – встрял в беседу Станислав, – что оружие – такой же инструмент, и нехер его обли-

зывать. Но ты ему не верь?

– Это ещё почему? – поинтересовался я, немного насто-
роженный столь уверенным тоном.

– Я же вижу, – указал Стас на свои ясные очи. – Ты тут вот
распинаешься почём зря, а сам, когда ВСС свой чистишь,
тряпочку мягкую под него подкладываешь.

– С мягкой ткани детали мелкие не скатываются, в отли-
чие от брезента.

– Да, рассказывай. А помнишь, как ты «Пернач» свой по-
коцал о кирпичи? Так ты ж потом дня три то место на затво-
ре пальцем теребил. Полировал, наверное.

– Не было такого! – возмутился я, сам того не ожидая.

– Может, ты и в самом деле не помнишь. Это ж чистый
рефлекс – рука сама к любимой игрушке тянется, приласкать
хочет.

– Хуйню не носи.

– Ну, конечно... – гадко щерясь, охочий до беззащитных
стальных тел извращенец выудил из рюкзака банку тушёнки
и нарочито растерянно похлопал себя по карманам: – Чёрт,
куда я нож задевал? Кол, одолжи кинжальчик.

– А поебаться не завернуть?

– Да брось. Жалко, что ли? Это ж просто кусок железа.

– Дешёвый трюк, Станислав, тебе должно быть стыдно.

– Почему?

– Потому что инструмент должен использоваться строго
по назначению. Вот если бы ты сказал: «Кол, дай кинжаль-

чик, хочу лейтенанта проткнуть», я бы дал, а банку вскрывать – иди ты нахуй. Хотя, знаешь, у меня есть альтернативное предложение – раздолби её прикладом, или шомполом проткни, а лучше прострели. Тебе ведь похер, как и для чего оружием пользоваться.

– Прострелить?

– Да, жхни прям в упор, а потом слижи, что останется.

– Так? – зажал недоумок банку подошвой в угол торпеды и приставил дуло автомата к рифлёному жестяному боку.

– Эй, прекращайте! – забеспокоился лейтенант.

– Открывай консерву, – подначивал я, будучи уверен, что такого не сделает ни один отморозок, никогда и ни за что. О, как глубоки оказались мои заблуждения.

– Не надо!!! – успел крикнуть Павлов и драматично закрыл лицо рукой.

Банка рванула знатно. Я и подумать не мог, что в столь небольшом объёме помещается так много содержимого. Жир, бульон и ошмётки мяса разлетелись как шрапнель, поражая всё живое.

Павлов, лишившись обзора, ударил по тормозам.

– Идиоты! – выскочил он из кабины, стряхивая с себя останки несчастного животного, чей труп не сумел обрести покоя даже в тушёном виде.

– Э-эй, – отложил Станислав автомат и, проведя пальцем по внутренностям раскуроченной банки, засунул скромный улов в рот. – А неплохо, с дымком.

– Пикантно, – согласился я, слизнув с рукава несколько поражающих элементов взрывного устройства. – Нотки гексогена не хватает, для терпкости.

– Убирайте! – швырнул нам Павлов по тряпке. – Совсем из ума выжили?! Чёрт бы вас побрал, – чуть не плача обратил он взор на заляпанную винтовку и принялся оттирать её, позабыв о свисающих с собственных ушей ошмётках.

– Да забей, – посоветовал Станислав, обтерев лицо. – Это ж дополнительная защита от влаги.

– Ты двигатель повредить мог, или колесо!

– Но не повредил ведь.

– Теперь всё провоняет этим...

– Ну, знаешь, бывают ароматы и похуже, – отряхнулся я и взглянул на зверски уделанный потолок. – Станислав, выпусти-ка.

– А убирать это говно кто будет?! – возмутился Павлов.

– Вы двое будете, а я на стрёме постою. Нельзя в муромских лесах неподвижный транспорт посреди дороги без охранения оставлять. Ты, вроде, лейтенант, а таких прописных истин не знаешь. Эх! – спрыгнул я с подножки и потянулся. – Хорошо на свежем воздухе. Appetit разыгрался. Может, ещё одну вскроем?

– Гранатой, – саркастически добавил блюститель чистоты.

– Осторожнее с желаниями. Наш добрый друг может их исполнить.

Утро выдалось погожее, лёгкий морозец прихватил грязь

и покрыл гниющие листья ледяными иглами, искрящимися в лучах восходящего солнца. Сквозь паутину голых ветвей уже можно было различить тёмные воды Оки.

– Почему мы по железнодорожному мосту не поехали? – спросил я у самоотверженно трущего приборную панель лейтенанта.

– Он перекрыт.

– С каких пор и зачем?

– С тех самых, как наши основные силы к Мурому протянулись. Для пресечения миграции нежелательных элементов.

– Красиво, – оценил Станислав, взяв мясной тряпкой по лобовому стеклу. – А ничего, что вы этих нежелательных элементов в союзники записали? Формально, но всё же. Прямо какой-то недружественный акт получается. Какие у вас вообще планы на Навашино?

– Мне такие вопросы решать не по чину.

– Но мысли-то есть?

– Избавляться от бригад надо, я считаю. С ними дело иметь – себе дороже. Ресурсы ресурсами, а репутацию за два дня не восстановишь.

– Ишь ты, репутацию, – пробило меня на смехок. – И какая она у вас?

– Ну...

– Ага. Баб с детьми потравили, деревни окрестные раком поставили, да ещё и два центнера золота проебали на ровном

месте. Эдакие агрессивные психопаты-неудачники с апломбом. Так себе репутация, я бы беречь не стал.

– Каннибалы и наркоманы её не улучшат.

– Нет, но органично дополняют.

– Вижу, – изогнувшись в немыслимой конфигурации, залез Павлов под рулевую колонку, – ты не особо веришь в успех нашей миссии.

– Ты про собирание земель русских?

– Да.

– Как тебе сказать... Разбредшееся стадо в стойло загоняют либо кнутом, либо лаской. Для первого у вас силёнок маловато, а для второго – денег. Ты вот о честных людях Навашино отзываешься так пренебрежительно, а они, меж тем, могли бы послужить неплохим пушечным мясом. Отдали бы им два-три городишки на разграбление, глядишь, и бригады бы поредели, и граждане нашего общего будущего государства стали бы кроткими да послушными. А без этого, думаю, тяжело будет им ваше счастье впарить. Да и в чём оно, счастье-то? Вот ты, расскажи мне о перспективах, замани в свою страну всеобщей любви и благоденствия. Не можешь?

– Я не рекрутёр, чтобы заманивать.

– При чём тут рекрутёр-нерекрутёр? Ты, в первую очередь – член Железного Легиона, цемент, скрепляющий воедино разрушенную державу, светоч в непроглядной тьме разобщённости и недоверия! Тебя ведёт идея. Нет, ИДЕЯ! Большая и светлая, как жопа над выгребной ямой! Ты должен

увлечь ею, заставить тянуться из смрадных нечистот навверх, к этому прекрасному, каким бы недостижимым оно ни казалось! Вы же революционеры – мать вашу! – рушите существующий миропорядок, чтобы на его обломках построить новый, лучший! Зажги во мне искру, увлеку за собой в прекрасное будущее! А что вместо этого? «Я ж не рекрутёр». Нет, никуды у вас по-доброму не выйдет с таким отношением к делу. Вся надежда на террор и притеснение, а для этого нужны террористы и притеснители.

– Точно, – согласился Станислав, наскребя с ветки горсть инея и вытирая им руки. – Сейчас бригады отсекать глупо. Им карт-бланш нужно дать. Пускай нагонят ужаса по всей округе, а когда местные взвоят, явитесь на белом коне и покараете злобных ублюдков – сплошная выгода. Легион придёт, порядок наведёт. Как-то так...

– Ну да, – усмехнулся Павлов, – а то все кругом дебилы. Как только бригады перейдут Оку, нас тут же обвинять в потере контроля над ситуацией. Мол, Грицук этих мародёров в узде держал, а как не стало его, так и бардак начался.

– Такое всегда можно объяснить коварными происками врагов, почуяли слабинку переходного периода, дескать, и полезли. Коридор им организуйте прямиком до Коврова, пусть веселятся. А если по муромским лесам расползётся часть – так оно и к лучшему, меньше шансов, что на вас подумают, сами ведь от этой орды страдаете. Ну а дальше объединение сил супротив общего недруга, небольшая война, под шумок

отжатые у «союзников» территории, лагеря вокруг Коврова, блокада, торжественный вынос ключей от города.

– Какой стратегический гений без дела пропадает, – похвалил я Станислава. – Берите его скорее в генералы.

– Хозяин знает, что делает, – с прохладцей отнёсся к моей кадровой инициативе Павлов. – Он мудр и дальновиден.

– Вот уж не подумал бы. Сколько десятилетий вы торчали на своей базе? Вы же все ресурсы прожрали, вас голод из норы выгнал. Ссыкло ваш Хозяин.

– Эй, – отшвырнул Павлов тряпку и наставил на меня палец, – не забывайся.

– Прости, я лишку хватил?

– Да. И впредь попрошу следить за языком, когда говоришь о Хозяине, – не на шутку разнервничался лейтенант, даже слегка покраснел.

– А что не так с моим языком? Он не возле его задницы, как твой?

Павлов набычился и засопел, сжав кулаки:

– Возьми свои слова назад.

– Какие, про задницу или про ссыкло?

– Все.

– А если нет? – подошёл я к открытой дверце и уставился на своё отражение в очках лейтенанта, закипающего по ту сторону кабины. – Что, тогда?

Правая рука легионера едва заметно двинулась в сторону кобуры, поддавшись командам спинного мозга, но вовремя

остановленная головным. Кадык совершил возвратно-поступательное движение, губы сжались в попытке скрыть дрожь.

– Да шучу, – постарался я натянуть максимально тёплую и добрую улыбку, выждав ещё несколько чарующих секунд. – Расслабься. Хозяин – отличный мужик, я с ним говорил, производит впечатление. Ну, едем, или дальше будете ляды точить?

– Едем, – процедил лейтенант, сел, глубоко вздохнул и положил мелко дрожащие пальцы на руль. – Два психа.

– Это он про нас? – глянул я на Стаса.

– Похоже, – кивнул тот.

– Бедный парень. Ему столько ещё предстоит увидеть.

Глава 5

Когда меня спрашивают: «Как ты выбрал своё ремесло?», я отвечаю: «Это оно меня выбрало». Нет, конечно, шучу. Что за банальное дерьмо? Я мог стать кем угодно: вором, сутенёром, наркобарыгой, боевиком банды, опустившимся биомусором, сосущим за выпивку, или даже проходчиком в гипсовой шахте. Но из всего многообразия возможностей я выбрал путь охотника за головами. Выбрал сознательно и ответственно, взвесив все «за» и «против». На первой чаше весов были хорошие деньги, свободный график, и возможность посмотреть мир; на второй – непредсказуемо изменчивый рынок труда и высокие шансы помереть, не достиг-

нув половой зрелости. Стрелка весов напряжённо колебалась, отягощённая весомыми аргументами, пока не появился он – решающий. И это...

– Как ты стал охотником за головами? – вырвал меня из паутины раздумий успевший смертельно надоесть голос Павлова, звучащий, казалось, постоянно с тех пор, как мы съехали с оккупированного Легионом парома и сразу взяли южнее, чтобы избежать встреч с патрулями святых.

– Что? – спросил я, не переварив услышанного.

– Охотником за головами, – повторил лейтенант. – Почему не торговцем или крестьянином, например?

– погоди, – поднял я палец, прислушиваясь. – Какой-то хлопок.

– Я ничего не слышал, – помотал башкой Стас.

– Я тоже, – вставил Павлов. – Может, в движении чего?

– Нет, это... Не важно. Как ты сказал, «крестьянином»?

– Ну да. Земли же полно, выращивай, что хочешь, или скотину разводи. Душа не лежит?

– Как твоё имя, Павлов?

– Иван. А что?

– Ваня, значит... Крещёный?

– Нет. Зачем тебе?

– Хорошо, не придётся крест мастерить.

– Что за намёки?

– Какие уж тут намёки? Хоронить тебя скоро будем, Вань, вот я и интересуюсь. Ты, если где досочку ровную заприме-

тишь, тормозни, в изголовье вкопаем.

– Я... Почему?

– Потому, Ваня, что столь наивные люди не живут долго в отрыве от привычной среды обитания. Крестьянином... Ты хоть немного представляешь, что такое Арзамас, Навашино, и территории вокруг? Как там жизнь течёт, какие заботы у прекрасных сынов и дочерей Отечества, с трудом населяющих сие благодатные земли – знаешь? Должен же знать, ведь ваша разведка десятилетиями информацию собирала отовсюду.

– Ну, я знаю про засуху, про голод. Но это ведь давным-давно было, теперь-то всё иначе, плодородный слой почвы восстановился.

– Мы похороним тебя в бочке, чтобы звери не добрались.

– Да что опять не так?! – психанул лейтенант.

– Это пустоши, Ваня. Произнеси раз десять, распробуй на вкус. Пу-у-усто-о-о-ши-и-и. Знаешь, почему их так называют? Потому что они пустые. Здесь никто не живёт в одиночку или группами. Здесь выживают только стаи, крупные и агрессивные. Даже если кругом был бы чернозём, жирный, что твоя мамка на сносях, никто не стал бы его возделывать артелями. Здесь нет крестьян, зато есть рабы, подыхающие прямо на полях, окрест городов. Выбывшие идут на корм уцелевшим, чтобы те продолжали работать, пока не придёт их черёд. Пшеница, рожь, свекла, репа, картошка и прочее – это не товары, это собственность вожака стаи, от начала и

до конца. Если ты их ешь, значит, ты ему принадлежишь и пока полезен. Перестанешь быть полезным – станешь «крестьянином», и есть будут тебя.

– Я не думал, что здесь до сих пор используют рабов, – с недоверием пробормотал лейтенант. – Нет, в смысле, я знаю, что бригады промышляют работорговлей, но что сами пользуются...

– А как ты думал, что они на полном пансионе живут? Весь неходовой товар работает на износ и молится, чтобы его выкупили родные.

– Но рабский труд малоэффективен.

– Это смотря насколько усердно их пиздят, – внёс важное уточнение Станислав. – К тому же самые ходовые – молодые женщины. Наверное, даже ты догадываешься, в каком конкретно труде их используют. И, могу сказать со знанием дела, они вполне эффективны.

– Это отвратительно, – покосился на него Павлов.

– Напомни обложить бочку камнями, – попросил я Стаса. – Ради такой нежной мякотки здешнее зверьё любую жесьть раздерёт.

– Вы готовы платить тем, кто держит людей как животных, и совокупляться с несчастными женщинами против их воли?

– Каждый раз платить не обязательно, – попытался я утешить Ваню. – Бывает, случай таких краль подкидывает – ух! Хватай не зевай. Что?

– Что?! – скривил рожу моралист-самоучка. – Вы себя

слышите? Для вас всё это – норма?

– Дружище, чисто для справки – я, вообще-то, людей по заказу убиваю. А ты мне решил за каких-то сучек нотацию прочитать? Хозяину своему прочитай, он, глазом не моргнув, пятьдесят тысяч в землю отправил. Тормози.

– Зачем? – боязливо поинтересовался Павлов.

– Тормози, сказал!

Машина, зашуршав заблокированными колёсами, подняла тучу пыли.

– В чём дело? – спросил Стас, закидывая на шею автоматный ремень.

– Не глуши мотор, – велел я Павлову и вытолкал Станислава из кабины: – А ты давай за мной. По сторонам смотри.

То, что я принял издалека за труп, оказалось нечто большим – трупом святого. Изломанное тело лежало вниз лицом, точнее, лицевой частью, так как содранный кожный покров скомкался сбоку от головы.

– Пётр? – расправил я бородатую физиономию.

Вместо правой руки у покойника была культя с кровавыми лоскутами мяса, ноге тоже изрядно досталось, кровь ещё не успела толком свернуться, амуниция не тронута, метрах в десяти обнаружился АКМ с расколотым прикладом, без крышки и магазина.

– Осколками? – кивнул Стас на рубленое мясо.

– Да. Машина, – разглядел я рядом след лысых покрышек, чёрную порошу гари и смешавшуюся с песком кровь. – По-

хоже, он на ходу выпал. За мной.

Пикап Святых лежал на боку в ближайшей канаве. Правая сторона кабины была полностью раскурочена, оторванного колеса нигде не видно, зато под изорванным креслом водителя нашлась рука. То, что осталось от пассажира, идентификации не подлежало вовсе, его будто сквозь измельчитель пропустили, искорёженный облепленный песком автомат валялся снаружи.

– Ещё не остыл, – убрал Стас руку от двигателя.

– Зачем их атаковали? Святые ничего ценного не повезли бы без прикрытия. Скорее всего, это просто посыльные. Они часто ведут дела с Навмашем, – рассуждал я вслух, осматривая территорию.

– Электрика на месте, – заглянул Станислав под руль. – Даже рация уцелела.

– Не похоже на спланированное нападение.

– Но гнали они – будь здоров, судя по тому, как водилу по земле размотало. Вот только от кого?

– Или за кем? – указал я на узкий след.

– Мотоцикл? – подошёл Стас. – Кто ездит по пустошам на мотоцикле?

– Никто, кого я знаю. Нужно с ним познакомиться, но не сейчас, – натянул я капюшон и стёр с лица холодные дождевые капли.

– Бля, как назло.

– Только не говори, будто не рад дождичку. Возможно, он

помешал нам догнать свою смерть. Возвращаемся.

Павлов сидел, как на иголках, безостановочно крутя головой во все стороны и теребя свою винтовку.

– Ну, что там? – спросил он, явно обрадованный нашим возвращением.

– Новые вопросы без ответов, – забрался я в кабину. – Что, не любишь таинственность? Ладно, там парочка дохлых святых и раздолбанный пикап. Какая-то сволочь на мотоцикле разобрала их направленным взрывом и умчалась вдаль.

– Как нашу колонну?

– Нет, думаю, гораздо быстрее и без злого умысла.

– По доброте душевной? – попытался сострить лейтенант.

– Святые наткнулись на разведчика, погнались за ним и огребли.

– Чьего разведчика?

– Это и предстоит выяснить, Ваня. Ты отупел, пока нас не было? Трогай уже, не хочу новых неожиданных встреч.

– А по следу не пойдём? – газанул он.

– Не поспеем, да и дождь сейчас всё размочет.

– Смахивает на отговорку.

– Так и есть, – не стал я лукавить. – Мы не поехали бы за ним, даже будь вместо раскисающей глины зеркально ровное соляное плато, а вместо этой колымаги – ракета на колёсах.

– Почему?

– Потому что я подрядился собрать информацию и установить местоположение, а не принести себя в жертву науке,

гоняясь за малоизученным подвидом хомо сапиенс, походя уничтожающим тех, кто десятки лет небезосновательно считает себя хозяевами этих пустошей. Я всё ещё жив благодаря тому, что не склонен недооценивать врага. Одного из тех мертвецов я знал лично, и он не был ни дураком, ни слабаком, но его размотало по родимой землице, потому что он...

– ...недооценил врага, – бездарно завершил мою блистательную тираду Павлов.

– Прежде чем лезть в драку, я хочу выяснить максимум возможного, любые мелочи, самые незначительные подробности. Это не тот случай, когда стоит действовать по наитию. Так что, держим курс на Навашино. Если тамошний кабак не гудит от слухов и сплетен о наших таинственных друзьях, то я ничего не понимаю в жизни.

– У них есть кабак? – удивился лейтенант.

– Они же не дикари. Кстати, пока время позволяет, прочту вам базовый курс по обычаям и традициям этой высокоразвитой цивилизации. Первое – они не любят шибко умных, поэтому не умничайте. Павлов, слышишь? Даже не пытайся. Второе – они не любят тех, кто не любит их, поэтому рассуждения о недопустимости рабства, людоедства, садизма, шовинизма, алкоголизма, наркомании, антисанитарии и скотоложства оставьте для более подходящих мест. Павлов...

– Я понял-понял.

– Третье – добрые граждане Навашино люто ненавидят муромчан, поэтому, если вам предложат опрокинуть стопку

за счастливое переселение усопших в адские котлы, пейте и поминайте виновников торжества последними словами. Четвёртое – ничего не суйте в их девок, если не хотите от этого избавиться. И пятое, самое важное – держите руки подальше от стволов и ножей.

– Неожиданно, – хмыкнул Стас.

– Неожиданно, дружище, это когда с тебя кожу чулком снимают, а вышеописанное правильное охарактеризовать словом «разумно». В Навашино виновник конфликта устанавливается очень просто – кто первым за волюну схватился, тот и злодей. Думаю, не нужно объяснять, что свидетели, в случае чего, будут не на вашей стороне.

– Так что же, если ствол наставят, нам кулаками отвечать?

– Постарайся сделать так, чтобы не наставляли, а если до того дойдёт, попробуй отбазариться. Не хочу пугать, но ваши шансы выбраться оттуда живыми – пятьдесят на пятьдесят.

– Ого. Похоже, ты никогда не ошибаешься в прогнозах.

– А как оцениваешь свои шансы? – поинтересовался лейтенант.

– Где-то около ста.

– И что вселяет в тебя такую уверенность?

– Опыт, Ваня, опыт и ещё раз опыт. А так же социальная близость к тамошней публике и заслуженный годами упорного труда авторитет.

– Другими словами – ты там свой?

– Не совсем, но куда как менее чуждый, чем вы двое, осо-

бенно ты.

– А что со мной не так?

– Он спрашивает. Посмотри на себя, чисто выбрит, острижен, подтянут, одет с иголки, все зубы на месте, да ещё и в очках. Любой среднестатистический навашинец за версту определит в тебе классового врага.

– И к какому же классу я, по-твоему, отношусь?

– К классу угнетателей, разумеется. Только угнетателю может житься лучше прочих, а ты прямо как сыр в масле. Воплощённое превосходство над угнетаемыми массами. Вы там у себя, в Легионе, никакую теорию о высшей расе ещё не разработали для полноты картины?

– Не понимаю, о чём ты.

– Да не важно, но в таком виде к местным унтерменшам лучше не соваться. И окропления тушёнкой тут явно недостаточно, – смерил я Павлова оценивающим взглядом.

– Что предлагаешь? Какого хера?!

– Ты в этом кармане всё равно ничего не держал, а так он придаст твоему внешнему виду толику потрёпанности. И вот это ещё...

– Бля! Убери от меня свои руки!

– Чего ты кипятишься? Тебе пуговицу больше своей головы жаль? Тормози.

– Только не...

– Да-да-да. Выметайся.

– Я не стану валяться в грязи! – выпрыгнул Павлов из ка-

бины и отбежал шагов на пять, тыча в меня пальцем. – Не приближайся.

– Хватит целку из себя строить. Кувыркнись разок-другой и достаточно.

– Давай, – поддержал Станислав, – сразу на мужика станешь похож.

– Ерунда какая-то, в этом нет необходимости! – не сдавался Павлов.

– Очень даже есть, и большая, – заверил я. – Вот когда навашинские маргиналы станут лапать твою чистую подтянутую жопу, ты поймёшь, что был неправ.

По лицу лейтенанта пронеслась тень сомнения.

– Они могут, – кивнул Стас.

– О да, и, несомненно, будут. Но, возможно, я лезу не в своё дело, и такой поворот событий тебя не пугает, а даже наоборот...

– Ладно, – раскинул Павлов руки, как у расстрельной стены, и опустился на пятую точку. – Довольны? – упал он на бок и кувыркнулся в сторону, после чего встал и продемонстрировал результат: – Так хорошо?

– То, что надо. На рожу ещё немного мазни. Во, отлично. Совсем другое дело ведь, скажи, – обратился я к Станиславу.

– Просто, небо и земля, – одобрил тот. – С таким парнем я бы в разведку пошёл.

– Чертовски рад, что вам нравится, – забрался лейтенант в кабину, утирая попавшую на очки грязь. – Надеюсь, теперь

никто не станет комплексовать из-за моего очевидного превосходства.

– Нет, теперь всё путём, – хлопнул я молодца по плечу. – Трогай.

– Так и простатит с геморроем заработать недолго, – поёрзал Павлов мокрой жопой по сидушке.

– Эх, молодо-зелено. Знал бы ты, сколько всяких неудобств выпадает на долю нашего брата. Бывало и в болоте спать приходилось, и в промёрзших землянках ночевать, и с гнилыми трупами бок обок. А это-то хуйня, не стоит переживаний.

– Кстати, ты так и не рассказал, почему решил стать охотником за головами.

– Ах, да. Понимаешь, ведь что такое счастье, в долговременной перспективе? Счастье – это когда дело твоей жизни приносит не только средства к существованию, но и радость. А радости у всех разные. Кто-то любит готовить, кто-то – строить дома, кто-то – воевать. Но у меня другая радость, и ремесло, которое я выбрал, обеспечивает мне её в полной мере. Всё дело в том, что я страсть как люблю глумиться над людьми.

Глава 6

Знавал я одного типа, который к месту и не к месту любил говорить: «Глаза боятся, а руки делают». У него даже

погоняло было – Рукодельный. Однажды ему гранатой оторвало обе кисти, и все его, конечно же, поддёбывали: «Рукодельный, чё глаза такие испуганные?», а он отворачивался и тихо плакал, утирая сопли кулечками. Даже не знаю, от чего ему было тяжелее – от постоянных насмешек, или от невозможности вернуть свою любимую поговорку. Привычка – страшная сила. Наркотик, только без кайфа. Мы привыкаем говорить и делать как по заученному: отвечать шаблонами, крутить монету в пальцах, вставать в семь утра, тереть мочку уха, спать на правом боку, сплёвывать налево. Это не даёт нам ничего, лишь делает предсказуемыми, а зачастую и уязвимыми, но отказаться чертовски трудно.

– Ты что, бороду недавно сбрил? – поинтересовался я, глядя, как Павлов уже не в первый раз проводит тыльной стороной кисти от кадыка к подбородку.

– Нет, никогда не носил бороду. Просто привычка. Не знаю... нравится как щетина по коже скребёт, – отвлёкся лейтенант от дороги и блеснул зубами, особенно белыми на фоне его чумазой рожи. – А что?

– Да так, попытался тебя с бородой представить.

– У меня всё ещё недостаточно поганый вид?

– Почему сразу «поганый»? Я носил бороду, и многие считали, что она придаёт мне солидности.

– Зачем сбрил?

– С ней у меня лицо слишком доброе, вводит людей в заблуждение, потом приходится доказывать обратное.

– А ещё в ней жратва застревает, и насекомые гнездятся, – поделился Станислав своим бесценным опытом. – Летом жарко, зимой колтуны ледяные, и бабам не нравится. Говно, короче. Бороду обычно те отпускают, у кого без неё рожа как у девки.

– Подъезжаем, – прервал я нашу непринуждённую беседу, разглядев за дождевой дымкой первые сторожевые вышки. – Держи ровнее, лейтенант, эти ребята крепкими нервами не отличаются, а пружина в гашетке слабая.

– Откуда знаешь? – осведомился Павлов.

– Часто зажимают.

ЗиЛок сбавил ход и покатил, всем своим видом демонстрируя готовность пассажиров к мирному диалогу. Пара устрашающего вида вышек, сваренных из железнодорожных рельсов и массивных стальных плит, как цапли клювами, повела стволами КПВ в нашу сторону.

– Может, стоило всё-таки флаг Легиона вывесить? – замандражировал Павлов, наблюдая по сторонам вросшие в землю ржавые детали со здоровенными рваными дырами.

– Поверь, им срать на флаги.

– А на что не срать?

– Сбавь ещё, – рекомендовал я, заметив вышедшего нам на встречу часового. – Совсем-то не тормози, катись потихоньку, а то решат, что ты ссыкун конченный. Ты ведь не такой?

Павлов осторожно помотал головой, переводя взгляд с од-

ной вышки на другую:

– Этот мужик идёт к нам, – кивнул он на часового.

– Продолжай ехать, только педали не перепутай со страху.

И помалкивай, говорить буду я.

Часовой остановился и, дождавшись, когда машина подкатится ближе, жестом приказал тормозить.

– Какие люди, – заглянул он в водительское окно, зыркнув чёрными глазами из-под смоляных кудрей, укрытых капюшоном. – Неужто Коллекционер собственной персоной?

– Он самый, – высунулся я из-за плеча лейтенанта, пытаюсь вспомнить эту наглую цыганскую рожу. – Погоди... Воронок, ты?

– Хорошая память, – сверкнул тот золотыми зубами.

– Да уж. Я же тебя в последний раз совсем пацаном видел. Гляжу, ты с тех пор приподнялся, – кивнул я на лычки десятника.

– По какой надобности к нам? – хамски проигнорировал цыганёнок мою любезность.

– Мы разыскиваем кое-кого, хотим справки навести.

– Раньше ты этим один занимался, – смерил Воронок неодобрительным взглядом Павлова. – Чего он такой, будто свиней в хлеву ебал?

– На самом деле, ты не далёк от истины, – хлопнул я скрежещущего зубами лейтенанта по плечу. – Никак не могу хорошие манеры привить, диковатый малый, но не буйный. Ванюшкой звать. В неполной семье рос, с мамкой и дедом, от-

да не знает, и, сдаётся мне, это оттого, что дедуля мамашу и обрюхатил.

– С кем не бывает. А второй кто?

– Это Станислав, о родословной не знаю, но парень неплохой, если не убивать его подружек.

– Где-то я про тебя слышал, – прищурился Воронок, глядя на Стаса.

– В муромской ориентировке, – процедил тот.

– Точно! Это ж за тебя совсем недавно кучу золотых обещали!

– Да, но ты опоздал, обещания выполнять уже некому.

– Знаю-знаю, – одобрительно покивал цыган, и вернул своё внимание моей скромной персоне: – Надеюсь, не с пустыми руками приехал?

– Обижаешь. Ну-ка, Ванюша, дай дяде Колу вылезти и продемонстрировать знаки нашего безмерного уважения к добрым гражданам славного города Навашино, – перебрался я из кабины в кузов и извлёк из-под брезента внушительного вида алюминиевый кейс, после чего раскрыл тот перед изумлённым взором Воронка. – Годится?

– Солидно, – покивал цыган, поджав губу.

– И для тебя кое-что есть, – вернул я кейс на место и выудил из закровов лоснящийся смазкой новенький АПС.

– Ого, – принял Воронок презент, расплывшись в алчном оскале, – вот удружил так удружил. Шершавый! – заорал он вдруг, обернувшись к КПП, и свистнул так, что у меня в

ушах зазвенело. – Сопроводи дорогих гостей до канцелярии и проследи, чтобы всё оформили, как положено, – велел свистун опрометью примчавшемуся доходяге, который без лишних слов тут же запрыгнул в кузов.

– Приятно иметь с тобой дело, – спрыгнул я на землю, завершив ритуал подношения.

– Кстати о приятном, – окликнул меня Воронок, – Ольга здесь.

– Да ну? – ноги сами собой дали задний ход. – Какими судьбами? – взял я цыгана под локоть и отвёл к заднему борту.

– Тоже ищет кое-кого, – недовольно оправил он бушлат. – Расспрашивает о взрывах в пустошах.

– Вот как? И от чьего имени?

– У неё верительная грамота святых. Честно говоря, я думал, и ты мне такую покажешь.

– Не в этот раз. Где она остановилась?

– В «Коммунаре». Где же ещё?

– А ей удалось что-нибудь выяснить... по поводу этих взрывов?

– Мне почём знать? Я с утра до ночи в карауле.

– Да, новости – привилегия бездельников. Ладно, и за то спасибо. Бывай, – залез я в кабину и махнул нашему кисломордому шофёру «вперёд».

– Это обязательно? – проскрипел Павлов, приведя колымагу в движение.

– Что обязательно?

– Быть таким мудаком.

– А, ты о своём камуфляже? Ну так лишняя предосторожность не помешает. Я в Навашино давно не бывал. Кто мог знать, что они ещё не окончательно деградировали?

– Хорошо, я запомню.

– Лучше запиши.

– И что это – чёрт подери – за «знаки уважения»? Ты что, винтовку ему пообещал?

– Не ему, а радушному хозяину города – бригадиру Нав-маша Тарасу Семипалому. Или ты хотел придти в гости без подарка?

– Ты хоть представляешь, сколько стоит этот ствол?!

– Смотрится богато, не поспоришь. Тут направо.

– Ты же заливал, что тебе без такого инструмента никак, что-то там про угловые минуты пел, крутизну траектории...

– Вот что вы за люди такие в этом вашем Легионе? Стоит сказать, дескать, винтарь нужен, чтобы с полутора километров кому-то мозги вынести – бери на здоровье. А как человека хорошего подарком порадовать – так целая трагедия. Позитивнее нужно быть, добрее. Сейчас налево. И вообще, чего ты кипятишься, будто лично с тебя последние портки сняли? Ты больше не в своём уютном бункере, вокруг огромный дивный мир, ощути, наконец, себя личностью и привыкай иметь окружающих при любой возможности.

– Легион – моя семья.

– Вот об этом я и толкую! Сворачивай.

– Он свою семью ещё в детстве перебил, – услужливо пояснил Станислав. – Последнего чудом выжившего застрелил при мне, как собаку. Так что побереги своё красноречие для более благодарной публики.

– Это было не ради удовольствия. Зачем передёргивать?

– С ума сойти, – покачал головой Павлов, округлив глаза. – Ладно, хрен с ним, с подарком. А что за Ольгу упомянул тот цыган? Какая-нибудь несчастная девушка, которую ты продал этим зверям? Что смешного?

– Я познакомлю тебя с этой «несчастной девушкой», тогда поймёшь.

– Ничего себе, – присвистнул Станислав. – Я думал, повесть «Кол и его женщины» состоит лишь из одной главы, и та называется «Бляди».

– Ты удивишься, сколько у меня было честных женщин.

– По взаимному согласию? – уточнил Павлов.

– Возможно, не спрашивал. Давай вон к тому здоровому дому с колоннами и тормози.

Передав мзду в заботливые руки сотрудников местной канцелярии, мы получили охранные грамоты сроком в трое суток и двадцатисекундное напутствие, содержащее в числе прочих пять-шесть цензурных слов.

– Зачем так грубить? – отряхнулся Павлов, выходя из здания, будто его там только что обоссали. – Мы не давали к этому ни малейшего повода.

– Твоё существование уже является для них поводом, – пояснил я.

– Что дальше? – спросил Станислав, пряча сложенную бумажку в карман.

– Дальше я отправлюсь по значным местам выяснять интересные нас факты и слухи, а вы двое будете ждать в машине.

– Так не годится. Я иду с тобой.

– Я тоже, – поддержал Стаса лейтенант.

– Ну, если вам нравится пешие прогулки по пустошам, милости прошу за мной. А если всё-таки предпочитаете передвигаться на этом прекрасном автомобиле, будет не лишнем проследить за его сохранностью.

– Пусть он следит, – кивнул Станислав на Павлова. – Это собственность Легиона.

– Чёрт... – не нашёл контраргументов лейтенант и, сплюнув, забрался в кабину.

Единственный постоянный двор Навашино располагался недалеко от Дворца, на улице Калинина в трёхэтажном здании, выполнявшем прежде, судя по всему, функции магазина. Наверху обветшалого фасада всё ещё ржавели каркасные буквы «ВИЗИТ», поверх которых красовалась сколоченная из досок вывеска с намалёванным красной краской «Коммунар». Большая часть окон была заложена кирпичом и строительными блоками, некоторые заколочены. Первый этаж занимали одноимённый кабак и ломбард по соседству. Из при-

открытой двери струился уютный тёплый свет, а на порогах отдыхал в луже собственной мочи довольный посетитель.

– Чертовски хочется выпить, – поделился я мыслями со Станиславом. – Составишь компанию?

– Как отказать? – перешагнул он вслед за мной через бесчувственное тело.

Не смотря на ранний вечер в заведении было уже многолюдно. Двое пришлых тут же приковали к себе внимание сурового навашинского населения, до тех пор мирно разглядывавшего дно своих кружек. Разговоры стихли, спиртное перестало литься, даже табачный дым, казалось, замер под закопченным потолком.

– Приветствую, любезный, – прошли мы к барной стойке, отделяющей подвыпивших но всё ещё человеческих особей от здоровенной жирной твари по ту сторону этого зыбкого барьера. – Плесни-ка нам с товарищем по пятьдесят твоего лучшего продукта, для начала.

– Покажите-ка, чем будете платить, для начала, – пробасило чудовище и вытерло сальные лапы о не менее сальный передник.

– Наливай, – выложил я на стойку приятно звякнувшую пачку пятёрок.

– Само собой, – ослабившись, поставило чудовище перед нами два стакана и разлило по ним мутной зеленоватой субстанции из графина.

– Выглядит многообещающе, – поднял Станислав свою

порцию и принял. – А противоядие есть?

– Вы просили лучшего, – напомнил монстр в переднике. – Это оно.

– Из чего гонишь? – капнул я немного на стойку и слегка успокоился, убедившись, что деревяшку эта дрянь не прожигает.

– Только натуральные ингредиенты. Не бухло, а чистый эликсир.

– Ну что, – обернулся я, чуя затылком любопытствующие взгляды, – ваше здоровье. Давай, Станислав, в пекле нас уже заждались. – И залпом осушил стакан.

Мало кто из не специалистов знаком со строением собственного пищеварительного тракта. Я же без лишней скромности могу сказать, что знаю его отлично, каждую клетку, каждый атом. Это знание, как клеймо, навеки выжжено мутной зеленоватой жидкостью, опалившей верхний отдел, средний отдел и невероятным усилием воли остановленной у выхода из нижнего отдела. Миазмы безумия, тревоги и печали, таившиеся на дне стакана, хлынули в мою кровь огненным потоком и растерзали ничего не подозревающий мозг.

– Срань господня... – с трудом опустил я стакан на ускользающую барную стойку. – Эту хуету нужно запретить во имя всего человеческого, что ещё осталось на нашей грешной земле. Повтори.

– И мне, – оторвался Станислав от своего рукава и смах-

нул скупую слезу.

– Скажи, любезный, – фамильярно поманил я пальцем бармена-изувера, – а не видал ли ты в этом уютном заведении одну милovidную особу женского пола?

– Бордель дальше по улице, – не дослушав, проинформировал тот.

– Нет, мне нужна конкретная особа, светловолосая, фигуристая, с грацией лани и отзывающаяся на имя Ольга. Ты наверняка бы её запомнил, если мужское начало ещё не отказало.

– А, эта особа... Ну, заходила раз или два, – неохотно припомнил жирдяй.

– Она ведь не просто рюмашку пропустить заходила, да?

– Такие «просто» даже сморкаться не станут. Девка себе на уме, хоть и выглядит сущим ангелом. Я бы на твоём месте держал своё хозяйство подальше от неё, не ровён час сожрёт.

– Она ведь о взрывах расспрашивала?

– Каких взрывах? – взялся жирный протирать стакан, демонстрируя потерю интереса к беседе.

– О таинственных взрывах в пустоши, – перекатил я золотой по костяшкам.

– Ах, об этих взрывах. Ну да, вынюхивала тут, подробности разные вызнавала.

– И что же вызнала?

– Э-э... – перевёл бармен страдальческий взгляд с поблёскивающего золотого на скрипнувшую входную дверь. – Луч-

ше ты, мил человек, сам её спроси, от греха подальше.

– Мальчики, – разнёсся по кабаку певучий голос, сопровождаемый скрипом подошв, как по команде развернувшейся в сторону своих столов публики. – Вот так встреча, – обогло моё ухо сладкое дыхание.

– Оленька, – повернулся я и распахнул объятия, снабдив лицо наимилейшей улыбкой. – Сколько лет, сколько зим. Дай-ка полюбуюсь на тебя, моя красавица, отрада стариковского сердца.

– Какого чёрта тебе здесь надо, Кол? – без предварительных ласк перешла она к делу. – Следишь за мной?

– Боже упаси.

– В этот раз ещё и подручных прихватил? – кивнула Оля на обомлевшего Станислава и наморщила свой очаровательный носик. – Машина снаружи твоя?

– В некотором роде.

– Мне, конечно, без разницы, но, кажется, твоего водилу в некотором роде собираются убивать.

– Что? – вскочил я на непослушные ноги и, петляя, вышел из кабака в сопровождении столь же боеспособного Станислава и дюжины завсегдатаев, желающих поглазеть на кровавую драму.

Павлов с растерянным видом стоял возле кабины и что-то терпеливо объяснял собравшимся вокруг него пятерым бугаям.

– Эй, какого хуя происходит? – вежливо окликнул я агрес-

сивно настроенную группу охочих до расправы молодых негодяев. – Это мой водитель. Чего к нему доебались?

– А ты что ещё за хер с горы? – поинтересовался самый рослый и плечистый из них.

– Сынок, я прощу тебе эту грубость, но только на первый раз, – подошёл я ближе, расстегнув хлястик ножен. – Меня зовут Коллекционер, а этот милый человек...

Ватные ноги, потеряв управление, совершили замысловатое па, и в следующее мгновение я, сам того не ожидая, уже ощупывал дорожное покрытие под своим сиделищем, под дружный гогот толпы.

– Так в чём проблема? – принял эстафету переговорщика Станислав, сам насилу держась в вертикальном положении.

– Этот козёл, – указал плечистый детина на Павлова, – только что послал меня нахуй! А я такого не прощаю!

– Ничего подобного! – чуток приободрился лейтенант, видя хоть и сомнительную, но поддержку. – Я им ни слова не говорил. Произвол какой-то!

– А это, – резко провёл детина пальцами от кадыка к подбородку, – что такое, по-твоему?! Крутого из себя корчишь, мразь?!

– Что? Это... Я ничего такого не имел в виду. Просто привычка, – машинально повторил Павлов движение.

Огромный кулак детины взмыл в воздух и взял курс на голову лейтенанта, примерно того же размера, и встреча этих двух равновеликих объектов не сулила второму ничего хоро-

шего. Но вдруг вектор летящего словно метеор кулака резко изменился, а его гордый обладатель осел наземь, держась за кадык и харкая кровью.

– Довольно! – пролетел над толпой певучий голос. – Представление окончено.

Как она появилась там, чёрт подери?! Моя девочка.

Поверженный детина протянул было свою клешню к обидчице, но тут же пожалел об этом, схлопотав коленом в нос, и повалился, брызгаясь красными соплями. Четвёрка подпевал быстро и непринуждённо растворилась в сгущающихся сумерках.

Глава 7

Женщины, эти странные существа, так похожие на человека, и в то же время бесконечно далёкие от него... Их мозг устроен совсем иначе, хотя в анатомическом плане неотличим от нашего. Не могу назвать себя большим знатоком тонкостей женского разума, моё общение с данными биологическими объектами обычно проходит в несколько иной плоскости, нежели мыслительной. Кому нахрен интересно, что думает шлюха или какая-нибудь девка, подвернувшаяся в не самый подходящий для неё момент? Но с появлением в моей жизни Ольги всё изменилось. Девятилетняя девчонка из сибирской глуши что-то со мной сделала, что-то сломала в моём идеальном прежде мировосприятии. Она, как никто рань-

ше, понимала меня, а я, со временем, научился понимать её, более или менее. И могу сказать с полной уверенностью – женщины страшнее чумы.

– Что это с ним? – кивнула Ольга в сторону раскрасневшегося Станислава, плящущего на неё с тех пор, как мы поднялись в просторный номер «Коммунара», арендованный нашей неожиданной спасительницей. – Штаны жмут?

– Не обращай внимания, видать, отравы ещё не отпустила.

– Я тебя уже где-то видел, – прищурился Станислав, подавшись вперёд. – Эти глаза... Я их помню.

– Ого, глаза, – расшнуровала Ольга берцы. – Да он романтик.

– Ещё какой, – согласился я.

– Их трудно забыть, чертовски красивые, – кивнул Стас.

– Небось, давно комплиментов про глаза не слыхала, а, Оль?

– Да считай никогда. Твой друг – большой оригинал.

– Только в тот раз, они были в слезах, – продолжил Станислав. – Ах ты лживая сучка, – потянулась рука к кобуре, но Олин «Вальтер» уже смотрел дулом ему в грудь.

– Как ты меня назвал? – беззлобно пропели роскошные губы.

– Стоп-стоп! – поднял я руки, пытаюсь мирно разрешить этот лингвистический конфликт. – Давайте-ка успокоимся и всё обсудим. Станислав, просто извинись.

– Извиниться? – скривил тот физиономию.

– Да. Ты не представляешь, скольких особей мужского пола потеряло человечество из-за таких неосторожных слов. Лично я против собак ничего не имею, но вот Оле подобное сравнение отчего-то кажется оскорбительным. Я серьёзно.

Ствол лежащего на бедре пистолета всё ещё глядел в сердце Стаса, а милый пальчик слегка побелел на спусковом крючке.

– Он так сильно тебе нужен? – поинтересовалась Ольга.

– Может пригодиться, – кивнул я. – Станислав, дружище, не глупи.

– Ты был с ней заодно, – облизал он пересохшие губы. – Тогда, под Иваново. Эта... она что-то подмешала Москве. Да. А ты довершил начатое. Что ты сделал с ним?

– Слушай, тебе в голову дало. Проспись для начала, а утром мы обсудим все твои параноидальные теории.

– Хватит нести хуйню, я не верю в такие совпадения. Ты что, думал, я не узнаю?

– Честно говоря, я не планировал вас знакомить.

– Так, значит, это был ты. Ты убил Алексея?

– Не сразу, – встала Ольга, держа Стаса на мушке, поставила стул напротив и села. – Сначала мы отвезли его в Арзамас, приковали в подвале и всласть повеселились. Он безумно страдал. И тоже называл меня сучкой, поначалу. Потом стал звать девочкой, деткой, даже доченькой. Знаешь, когда я его резала, когда отрывала ногти и выбивала зубы долотом, мне было так хорошо, – пальцы её левой руки скользнули

между разведённых бёдер. – До дрожи. Каждый его вопль, каждый хрип заставлял волоски на теле вставать дыбом, – высвободила она правую ногу из ботинка и коснулась стопой детородных органов сидящего с раскрытым ртом Станислава. – Я помню всё, будто это было вчера.

– Какого чёрта ты делаешь?

– И тебя я тоже помню. Узнала, как только увидела. Ты был таким добрым, мягким, предсказуемым. Смазливая мордашка, голые коленки, слёзки в голубых глазах... Как устоять перед девушкой в беде, верно? Скажи, ты ещё долго меня ждал? Фантазировал обо мне, пока мы везли твоего дружка, связанного, как свинью на убой? О чём сожалел больше, о пропаже Москвы, или о том, что не удалось меня трахнуть?

– Ну хватит, – выдохнул Станислав, сглотнув.

– Я решу, когда хватит, – изящная ножка надавила чуть сильнее.

– Дьявол... Пытаешься доказать, что ты тут главная?

– Точно. И тебе нравится. Расскажи, как ты собирался это сделать. В койке, на столе, может, на полу?

– Завязывай.

– Лицом к лицу, или сзади?

– А сама как думаешь?

– Думаю, лицом к лицу. Тебе ведь нравятся мои глаза, ты хотел бы смотреть в них, как сейчас.

– Завязывай, сказал!

– Не вздумай дёргаться, я не закончила.

– Да ты больная. Чёрт... – физиономия Станислава стала почти пунцовой от напряжения.

– Не сдерживай себя. Вспомни тот вечер, ту нежную нимфетку в вашем номере.

– С-с-с... Уф.

– Туалет там, – указала Ольга пистолетом в коридор, убрав ногу.

– Господи-боже, – едва не перекрестился я, глядя вслед спешащему Станиславу. – Ты его только что изнасиловала.

– Технически нет.

– Я тебя такому не учил.

– Как и многому другому. Абсолютной беспринципности, например. Хотя тебе есть, чем поделиться, опыт огромный.

– Если ты про нашу сегодняшнюю встречу, то, уверяю, она случайна. Я здесь по делам. У меня и в мыслях не было тебя искать. А если про этого милого молодого человека в моей команде – на то есть веские причины, но я не хочу утомлять долгой историей своих злоключений. Расскажи лучше ты что-нибудь интересное. Например, ради чего святые тебя наняли.

– Не ради твоей головы, можешь не волноваться.

– Начало хорошее. О, а вот и наш... – собрался я отвесить комплимент вышедшему из уборной Станиславу.

– Не надо, – оборвал он меня, мотая головой, упал на диван и с обиженным видом скрестил руки на груди.

– Э-э... Знаешь, я где-то читал, что выговориться – первейшая необходимость для жертвы изнасилования.

– Ну всё, с меня довольно! – вскочил Станислав как ужаленный. – Идите нахуй оба! – и хлопнул дверью.

– Видишь, что ты наделала? Раньше был нормальный мужик, а теперь на женщин смотреть без содрогания не сможет. Хорошо, если на мужиков не начнёт. А то и на животных каких-нибудь...

– Что у тебя за дела в Навашино, Кол? – прервала Ольга череду моих рассуждений.

– Не стану тебе врать, ведь мы не чужие друг другу, и взаимное доверие – штука важная, однажды его лишившись...

– Господи, Кол, просто ответь.

– Ты слыхала про взрывы в пустоши?

– Продолжай.

– Кое-кто хочет узнать о них поподробнее.

– И-и....?

– Теперь твоя очередь делиться информацией.

– Смеёшься?! Ты нихрена мне не рассказал!

– Но, всё же, чуть больше, чем ты мне.

– Судя по тому, что жирная свинья внизу шевелила своими слюнявыми губами, когда я вошла, тебе уже известны мои интересы здесь.

– Верно. Просто, понимаешь... я рассчитывал услышать это от тебя, и немного разочарован такой скрытностью. Когда мы с тобой виделись в последний раз, года три назад?

– Прошлым летом, вообще-то.

– Не важно. Мне и этого хватило, чтобы соскучиться, а ты так холодна. Ведёшь себя, честно говоря, как последняя стерва.

– Кол, – подалась Ольга вперёд, сцепив пальцы в замок, – ты свалил тогда, даже не предупредив. У меня могли быть проблемы из-за тебя, сукин сын. И ты ждёшь теплоты?

– Но ведь не было же проблем. Верно? – откинулся я, любясь прекрасным, хоть и хмурым, творением природы, сидящим передо мною. – Ты ослепительна. Уму непостижимо, как из того мелкого сорняка расцвёл столь восхитительный цветок. Постой, а это что? – заметил я, приглядевшись, небольшой шрам на левой скуле, полускрытый волосами.

– Напоминание о месте, отведённом мне столь любимой тобою природой, – коснулась она лица.

– Кто это сделал?

– Один заказ. Снова пришлось вживаться в образ проститутки. Оказалось, что «клиент» – садист, к тому же любит придаваться своим слабостям при охране.

– Мне жаль...

– Нет, – улыбнулась Оля, – заказ отработан. Я вовремя сообразила, что из образа пора выходить.

– ... жаль этих несчастных ублюдков.

– Да, пришлось зайти чуть дальше, чем того хотел наниматель. А кто твой наниматель, Кол, и чего он в действительности хочет?

– Э нет, – погрозил я пальцем своей талантливой ученице. – Соблюдай очередь.

– Ладно. Святые хотят знать об источнике проблем здесь. Эти нападения с подрывами многих выводят из себя.

– То есть, святые всего лишь хотят восстановить закон и порядок? – не сдержал я смешка. – Вот так дела. А приют для прокажённых они уже построили?

– Очередь, – напомнила Оля.

– Железный Легион, – раскрыл я карты.

– Ого. Вернулся к работе на крупных клиентов? В последний раз, с Муромом, у тебя ведь не особо заладилось.

– Ты не очень-то удивлена, как я погляжу. Может, на то есть причины? Например, сожжённая колонна Легиона, которая и вызвала, в действительности, любопытство святых. Я прав?

– Возможно. Что тебе известно об этом нападении?

– Очередь.

– Святые перетасили все машины в обитель, и трупы тоже. Братья описывали увиденное, как результат грамотно спланированной засады. Противотанковый фугас, десяток бойцов с РПГ по обе стороны дороги, может, АГС... Но я так не думаю. На трупах нет пулевых ранений, только осколочные и бризантные. Причём, посекло тех, кто был внутри машин, их же бронёй. Тела, найденные снаружи, сильно фрагментированы. Это не похоже на РПГ. Ощущение такое, будто их с гаубиц обстреляли, но воронки на земле неглубо-

кие. Вот... Теперь ты.

– К сказанному могу добавить, что, во время нападения, людей по близости не было, не считая самих легионеров.

– Это мне тоже известно. Так говорил единственный выживший.

– Сама его допрашивала?

– Его никто не допрашивал. Святые рассказывают, он и так болтал без умолку. Только вот его болтовня картину не проясняет. А что с грузом?

– Каким грузом? – приложил я всё своё актёрское мастерство, чтобы показаться удивлённым.

– Что перевозила та колонна?

– Почему ты считаешь, будто она вообще что-то перевозила? Легион стягивает все силы в Муром, теперь там их главный плацдарм.

– Не вижу смысла в таком нападении, если нечего взять.

– Ты чего-то недоговариваешь.

– А мне думается – не договариваешь ты.

– По пути сюда мы наткнулись на пикап святых, подорванный, – немного поразмыслив, выложил я козырь старшинством пониже. – Водитель и пассажир мертвы, полкабины расхерачено, а на земле следы, похожие на те, что мотоцикл оставляет.

– Интересно. И вы не пошли по следу?

– Дождь начался. Да и куда нам на ЗиЛе за мотоциклом? Конечно, то, что между ног – не машина, но угнаться труд-

новато. Кстати, а ты ведь совсем без колёс?

– У меня лошадь.

– Продай её. Ага, продай и присоединяйся ко мне.

– Смеёшься? – улыбнулась Ольга. – Предлагаешь кинуть святых?

– Вовсе нет. Будем каждый делать своё дело, но только вместе. Я – для Легиона, ты – для святых. Ведь цель у нас одна – найти чёртовых взрывников. Поправь, если ошибаюсь.

– Хм, вроде того.

– Тогда за чем дело стало?

– Думается мне, – прищурились бездонные голубые глаза, – твой чувствительный друг будет не в восторге.

– Не беспокойся за это, я с ним поговорю.

– Его теперь ещё поискать предстоит.

– О, на счёт его местонахождения у меня нет ни малейших сомнений.

Интуиция меня не подвела, Станислав сидел в кабаке этажом ниже и, не щадя себя, ужирался самогоном в бесплодной попытке забыть о кошмаре, перевернувшем всю его жизнь.

– Блядь... Иди нахуй, Кол. Я не хочу с тобой говорить. И знать тебя не же-ла-ю, – опрокинул он рюмку и снова наполнил.

– Когда ты налакаешься до беспамятства, тебя вышвырнут, чтоб не наблевал, а там оберут как липку, с утречка бо-сиком придётся топтать.

– Ты меня не расслышал? – прорычал Станислав недружелюбно.

– Хочешь, расскажу тебе про Лёху Москву, или про Ткача, как звали его прежде?

– Я знаю достаточно, – припечатал он пустую рюмку.

– Правда? А почему же про меня ты от него не слыхал? Ведь мы с ним не один год были знакомы. Думаешь, с кем он в Москву ходил?

Мутные зенки Станислава вдруг разом сфокусировались, а рука замерла на полпути к бутылке.

– Да, дружище, – продолжил я, – это не байки, он был в Москве, со мной и ещё с пятью своими корешами, двоих из которых самолично замочил там же, чтобы не делиться. Замочил бы и меня с Сиплым, будь пофартовее.

– Сиплый? Медик?

– Вы знакомы?

– Да, виделись в Арзамасе.

– Мир тесен. Хотя тогда мне так не казалось. После Москвы я гнался за Ткачём до самого Урала. Но там судьба снова свела нас вместе. Правда, перед этим Алексей успел перестрелять семью одной девятилетней девчухи по имени Оля. А потом, когда мы работали с ним в паре, кинул меня и снова попытался убить. Вероломно, так, что даже я охуел. И если ты думаешь, будто Алексей – Москва – Ткачёв – добрый дядечка, пострадавший не за что, у меня для тебя плохие новости. Ткач был отъявленной мразью, а уж я-то в сор-

тах мрази разбираюсь.

– Дьявол, – поднял непослушные брови Станислав. – Это сколько ж лет прошло с тех пор до той ночи.

– Время не всё списывает со счетов.

– Да, наверное... И что теперь?

– Ольга в деле.

– С какого?!

– Не переживай, речь не о деньгах. Она вообще не знает о грузе. Ей заказали разыскать возмутителей спокойствия, так пусть ищет, мы ведь заняты тем же самым. А она будет полезна.

– Ты с ней как вообще? Ну, в этом плане...

– Между нами сугубо платоническая любовь.

– Только не пизди, будто она тебе как дочь.

– Нет, скорее, как олицетворение всего прекрасного, что меня когда-либо окружало на этой пропащей земле. Не держи на неё зла, это никому ещё не принесло пользы. Вот, – передал я Станиславу ключ с номерком, – снял комнату, иди отоспись, а я сменю Павлова. Бедолага, небось, уже просит штаб забрать его домой.

Глава 8

Весь следующий день наша дружная компания провела, вылавливая жемчужины народного фольклора из моря бессмысленного трёпа, пьяного пиздежа и наркотических фан-

тазий местной фауны. Собрав воедино и систематизировав наши изустные трофеи, мы пришли к выводу, что подавляющее большинство рассказчиков приписывает вину за взрывы Детям Пороха. Эта бригада никогда не славилась умением играть в команде, союзы с ней были шаткими, а контакты сложными. ДеПо, как называли бригаду на пустошах, вела замкнутый образ жизни, но всё же считалась «своей», в отличие от наглухо отбитых Рваных Ран, соваться к которым боялся даже Навмаш. Тем не менее, репутация слегонца припизднутых прочно закрепилась за ДеПо, а их маниакальная увлечённость химией и инженерией вполне чётко сводила все нити рассуждений в одну точку – «ДеПо в конец охуело». И мы, как единственные блюстители порядка в царстве террора, обязаны были проверить эту порождённую коллективным сознанием гипотезу.

Полностью разделяя мнение навашинских относительно припизднутости ДеПо, наша группа единомышленников постановила, что вести со взрывоопасными автомобилистами цивилизованный диалог – дело глупое, бесперспективное и неоправданно затратное по времени. В качестве альтернативы мною было выдвинуто предложение проникнуть на территорию, подконтрольную ДеПо, изловить пару-тройку этих опасных чудаков и нечеловечески пытаться их, пока они не дадут нам нужных сведений, или пока мне это не надоест. Принято единогласно. Демократия – отличная штука, когда мнение бестолкового большинства не противоречит моему,

единственно верному. Ловить я решил на живца.

– Почему именно мне торчать у машины? – вызывающе поинтересовался Станислав, стоя на продуваемой всеми ветрами пустоши, и хорошо видимый за многие сотни метров вокруг.

– Потому что я так сказал, – не смогли мои зубы скрыть скрежета.

– Херовый аргумент.

– Не беси. Это мой план, и мы будем реализовывать его так, как я задумал.

– Да они меня пристрелят нахуй, как только разглядят.

– Не пристрелят, побоятся машину испортить, – вмешалась Ольга. – К тому же, на рубеже от тебя будет мало проку.

– Это ещё почему?

– Моя винтовка эффективна на километре, его – кивнула Оля в сторону Павлова, – метрах на трёхстах, ВСС Кола – двести пятьдесят. А из твоего калаша да с этой оптикой разве что на соточку толком пострелять удастся. Ты ведь не хочешь подпускать их адские драндулеты с крупным калибром и ракетами на сто метров?

Станислав обречённо вздохнул, поднял ворот и приступил к имитации ремонтных работ, склонившись над двигателем. Мы же разошлись по заранее оговорённым позициям и стали ждать.

Со своей точки я видел, как Ольга, аккуратно уложив брезентовую подстилку, расчехляет и приводит в боевое поло-

жение ОСВ-96. Огромная железяка, как раз в рост хозяйки, выглядела настоящим чудовищем рядом с ней. Жаркая любовь между Олей и тринадцатикилограммовой переносной пушкой вспыхнула года четыре тому назад, когда нежная щека робко коснулась шершавого приклада. Первый поцелуй ОСВ-96 оставил жуткий синяк на девичьем плече и обезглавленный труп в полукилометре от дульного среза, проигнорировав кевларовый шлем и стену в три кирпича толщиной. С той поры, слыша о горюющих телохранителях, чей босс вдруг взял да и разлетелся кровавыми брызгами, я знаю – моя девочка и её любовь калибра «12,7 x 108» где-то неподалёку.

Лежать на холодной земле под пронизывающим ветром – то ещё удовольствие, и оно явно затянулось. Несмотря на самоотверженные копошения Станислава вокруг неподвижного Зила, обещающего стать лёгкой добычей, дети на приманку не велись. Не было ни то, что поклёвки, но даже кругов на воде. Жутковатую пустоту желтовато-бурого пейзажа вокруг нарушали лишь редкие птицы, слетающиеся на падаль и гоняемые наземными пожирателями трупов. За четыре с лишним часа своих орнитологических наблюдений, не смотря на бушлат и шерстяные панталоны, я замёрз, как собака, хотя такое сравнение, пожалуй, не передаёт всей полноты ощущений, и уже начал подумывать о сворачивании этого сомнительного мероприятия, как вдруг ветер принёс знакомые рокошующие звуки. С юго-востока в нашу сторону шли

две машины – обычный деповской патруль, прочёсывающий местность на предмет незваных гостей. Они вряд ли успели разглядеть наш грузовик, иначе перестроились бы, беря его в клещи. Но вот курсы слётанной пары разошлись – наживка заглочена, теперь дело за подсечкой, а там и выуживанием можно будет заняться.

Грохот первого выстрела ОСВ-96 прокатился по пустошам, когда багги подошли к ЗиЛу метров на триста. Приземистая машина, заходящая с правого фланга, будто споткнулась и, клюнув носом, взмыла в воздух. Впечатляющий кульбит, в процессе которого стрелок вылетел за борт как гуттаперчевая кукла, завершился не менее впечатляющим падением. Багги грохнулась на крышу и стала ещё более приземистой, смяв собственным весом трубчатый каркас. Водитель второго агрегата, не желая повторять судьбу товарища, резко развернул машину и дал по газам, однако большой скорости набрать не смог, получив от Павлова несколько пуль в двигатель. Испускающая шлейф белого дыма багги прокатилась с два десятка метров и была спешно покинута экипажем в составе трёх особей, довольно резвых, нужно заметить. Пуля калибра 12,7 догнала самого перспективного из бегунов и вошла в правое плечо. Это могло бы означать, что спортсмену повезло, зайди речь о 5,45 или 5,56, но только не 12,7, о нет, только не о нём. Бегущую фигуру просто снесло, разорвав в локуты. Рука и куски торса отлетели от изуродованной туши, упавшей в грязь комом окровавленного тряпья.

Оставшиеся спринтеры, впечатлённые финишем товарища, принялись закладывать виражи, затрудняя прицеливание.

– Нужен живой! – проорал я, сложив ладони рупором.

Не лишнее напоминание, памятуя, как Оля может увлечься, и оно достигло её ушей. Следующая пуля легла возле ног беглеца, тот резко тормознул, не удержал равновесия и растянулся на земле. Обогнавший его конкурент коснулся грунта пятью секундами позже и одной конечностью меньше, оставив позади ступню с изрядным куском голени и громкогласно знаменуя окончание забега. Единственный призёр, не растерявший себя на пути к финишу, отшвырнул в сторону ствол, опустил на колени и задрал клешни, прославляя олимпийских богов.

– Взять их! – махнул я рукой в направлении нашей дичи.

Всегда хотел так сделать. Жаль, самому тоже топтать пришлось, вместо того, чтобы наблюдать за хлынувшей вперёд толпой беспрекословных головорезов, сидя верхом на гнедом командирском жеребце.

Первым, воспользовавшись ЗиЛом, до пленников добрался Станислав, открыл дверь и взял двуногого на прицел, оставаясь в кабине.

– Рад встрече, друзья! – поприветствовал я пару угрюмых мужиков, один из которых уже заметно обмяк. – Павлов, помоги этому бедолаге, мы ведь не звери.

Лейтенант с готовностью подбежал к инвалиду и, сунув тому на всякий случай с ноги в рыло, перетянул калечную

ногу ремнём пациента.

– Полагаю, вы недоумеваете, – продолжил я, – что же послужило причиной нашего визита. Это не секрет, мы лишь хотели поинтересоваться, с какого хуя ДеПо решило, что беспредел нынче ненаказуем.

– О чём ты толкуешь? – прохрипел одноногий бородач, сплюнув кровь. – Кто вы такие?

– Здесь я задаю вопросы. И чем скорее вы на них ответите, тем скорее мы расстанемся. Надеюсь, друзьями, но это опять же зависит от вас.

– Я не понимаю.

– Может... – робко подал голос второй, лет двадцати, безбородый и со следом от защитных очков на чумазой роже. – Может, они про...? – покосился он на старшего.

– Заткнись, – прошипел тот. – Они так и так нас вальнут.

– Вопрос спорный, – заметил я, присев возле бородача, и невзначай ткнул стволом в оголённую кость, чем побудил героя довольно точно симитировать брачный крик лося. – Вместо «так и так» всегда может быть «так или иначе». Я бы на вашем месте, друзья, выбрал «иначе». Но если вы предпочитаете «так», – ствол снова уткнулся в красновато-серую мякоть торчащей кости, – буду только рад.

– Мы же никого не тронули! – заверещал безбородый, силясь перекричать своего старшего товарища и брызжа слюной. – Это же просто металлолом! Чёртов металлолом! Он не нужен был железнодорожникам, и Навмашу не нужен! Что

вы творите?! Не убивайте нас! Пожалуйста, не убивайте!

– Какой ещё металлолом? – направил на него дуло Павлов.

– Вагоны! Мы разрезали их и вывезли! – проорал безбородый и, отдышавшись, добавил удивлённо: – Вы разве тут не из-за этого?

– Он нас за идиотов держит, – предположила скучающая возле машины Ольга.

– Чертовски неприятно, дружище, – взглянул я в увлажнившиеся глаза рассказчика, – но вынужден согласиться с дамой. Похоже, ты невысокого мнения о наших умственных способностях, если только не сам ебанутый. Давай так, ты расскажешь нам о нападениях, а я не стану раскладывать перед тобой нарезку из твоих конечностей.

– О нападениях? Каких нападениях, на кого? – затараторил он, демонстрируя неподдельное, на первый взгляд, желание помочь. – Мы не лезем к соседям. Только залётные... Три... Нет, четыре машины за этот месяц. Двоих живьём взяли, сам видел. Вы за ними пришли? Я могу отвезти. Бригадир недорого попросит. Я помогу. Мы... – спохватившись, указал он на бородача, а потом на себя. – Мы вам поможем. Не убивайте.

– Ой дурак, – надрывно хохотнул борода.

– Как тебя зовут, дружище? – почесал я щёку, раздумывая над тем, с какой руки начать.

– Миша, – ответил парень, и тут же исправился: – Михаил.

– Кол, – протянул я раскрытую ладонь.

Говорят, интуиция строится на эмпатии и пережитом опыте. На счёт Мишиного опыта у меня есть сомнения, но тогда... Бедный парень, похоже, он и впрямь сумел заглянуть ко мне в голову, потому как в следующую секунду, будто одержимый бесами, отскочил и, выхватив невесть откуда взявшийся нож, принялся размахивать им под аккомпанемент истошных воплей:

– Не подходи!!! Сука, зарежу!!!

– Тш-ш-ш-ш, – поднял я правую руку, положив левую на вскинутый Павловым ствол. – Не стреляйте. Мише есть, что сказать, – покинул ножны мой «Марк-II». – Да и у меня есть интересная тема для дебатов.

– Ага, – нервно осклабился Михаил, потирая больстер большим пальцем, – честный поединок, один на один.

– Точно, дружище, – шагнул я вперёд. – Только мы двое на сцене и госпожа смерть в зрительном зале. Сейчас кто-то сорвёт её аплодисменты.

– Красиво говоришь, – пригнулся Михаил, широко расставив ноги и выставив чуть вперёд левую руку, держа при этом правую, вооружённую, возле тела. – Только слова тебе не помогут.

– Ну же, – кивнул я, неподвижно стоя в полный рост, с опущенными руками, – смелее. У тебя определённо есть шанс.

– Хе, – утёр он рукавом нос, всё ещё не решаясь атаковать. – И что, если я выйду победителем, меня отпустят? Ес-

ли убью тебя.

– Не могу говорить за этих милых людей, а обещание мертвеца недорого стоит. Поэтому, давай так – я освобожу тебя и твоего упрямого одноногого товарища, если сумеешь пустить мне кровь. Пойдёте на все четыре стороны. Даю слово.

Услышав это, Михаил заметно приободрился и даже начал пританцовывать, двигаясь мелкими шажками из стороны в сторону. А я продолжал стоять неподвижно, руки по швам, и ждал момента.

Первый выпад был обманным, он легко читался по ногам, и начался слишком далеко, так что мне не пришлось даже сходить с места. Второй прошёл не менее предсказуемо, но уже с подходящей дистанции. Нацеленный мне в живот нож был чересчур низко, и я сделал шаг в сторону, дожидаясь более удобного момента. Тот представился через секунду. Не возвращая руку после выпада, Миша нанёс ею диагональный удар снизу в направлении моего правого плеча. Всё, что осталось сделать мне – перехватить его запястье и заломить руку, с шагом вперёд. Голова Михаила запрокинулась, и клинок «Марк-II» мягко вошёл ему чуть выше и левее кадыка, минуя артерию. Левая ладонь вцепилась мне в предплечье, правая – выпустила нож, рефлекторно пытаясь дотянуться до инородного предмета, пронзившего шею и аккуратно продвигающегося вглубь, к основанию черепа. Глаза Михаила широко распахнулись, шипящий хрип вырвался

из горла вместе с облачком кровавых брызг.

– Тише-тише, всё хорошо, – попытался я смягчить эмоциональное состояние, моего эмпатичного визави. – Вот так, – нащупал кончик клинка нужное место. – Вот так, – резко покинул кинжал своё временное вместилище.

Миша покачнулся, размахивая руками, будто неумелый канатоходец, присел на одно колено, снова поднялся, едва держась на трясущихся ногах, и пошёл походкой восставшего мертвеца. Дрожащие губы смыкались и размыкались, производя вместо слов пузыри и потоки слюны. Левая штанина стремительно темнела, пропитываясь мочой. Желудочно-кишечный тракт издавал утробные звуки, оскверняя воздух зловонием.

– Отвали! – пихнул Павлов стволом ковыляющего к нему Михаила.

Тот пошатнулся, упал и забился в судорогах, исходя пеной и громогласно опорожняя кишечник. Зрачки расширились, несмотря на яркий солнечный свет, белок левого глаза сделался алым из-за кровоизлияния. А потом Мишина голова просто взорвалась, и мозги разлетелись по земле через разрушенный затылок.

– Он всё равно ничего уже не рассказал бы, – с невинным видом ответил Станислав на мой немой вопрос, опустив дымящийся ствол.

– Ты хоть представляешь, как это сложно?

– Что?

– Внести нужные изменения в организм.

– Нужные? Кому, нахрен, нужные? Ты из него овощ сделал, – кивнул он на испорченного трупа.

– Мне. Мне – дьявол тебя подери – нужные! – подошёл я к Станиславу, запамятавав от возмущения про кинжал в руке.

– Ладно, как скажешь, – залез он поглубже в кабину.

– Никогда больше не смей ломать мои игрушки. Ты меня понял?

– Да, без проблем, – прикрыл Станислав дверцу. – Надо было предупреждать, что это важно.

– Долбаёб, – вернулся я к подозрительно тихо ведущему себя всё это время колченогому бородачу. – Ладно, закончили с баловством, пора приступать к работе, – и обтёр окровавленный клинок о подрагивающее плечо нашего основного свидетеля.

– Я расскажу, – отстранился тот, боязливо косясь на кинжал. – Всё, что знаю.

И он рассказал. Он говорил воодушевлённо, страстно и самозабвенно, со столь глубоким чувством, что позавидовал бы искуснейший декламатор. Он говорил и говорил, перебивая самого себя в необузданном желании предвосхитить любой наш вопрос. Он углублялся в такие подробности, какие из человека можно вытянуть только под гипнозом. Он плакал, если на моём лице появлялась тень неудовлетворённости услышанным, и светился от счастья, когда я одобрительно кивал.

Из громадного массива информации, полученного нами за весьма короткий промежуток времени, удалось сделать два основных: во-первых, ДеПо не имело отношения к атаке на колонну Легиона; во-вторых, мы по-прежнему не имели понятия, кто виноват и что делать. Копилка наших знаний о произошедшем пополнилась лишь одним по-настоящему интересным фактом, если это можно так назвать. Бородач оказался неплохо знаком со взрывным делом и сообщил, что разрушения, которые ему довелось наблюдать после атаки неведомого врага на один из деповских патрулей, оставлены снарядами, упавшими сверху почти под прямым углом. Версию миномётного обстрела он сходу отверг, заявив, что удар был слишком уж точен. Патруль, по его словам, будто бы угодил под миниатюрную ковровую бомбардировку, покрывшую площадь почти точь-в-точь соответствующую той, что занимали два идущих друг за другом автомобиля. Багги разметало так, что там и взять уже было нечего. Произошло это за два дня до гибели колонны Легиона, что наводит на мысль о тренировочных стрельбах. После этого у меня остался только один вопрос:

– Формулу азотного топлива знаешь?

– Нет, умоляю, – сложил ладони бородач. – У меня семья.

Их казнят, если...

– Понял. Станислав, – дал я отмашку нашему любителю высвободить содержимое замкнутых объёмов, и серое вещество талантливого сказителя воссоединилось с родной

землѣй.

Глава 9

Говорят, все люди делятся на условных «овец» и «волков». Первые – рождены безропотно подчиняться, вторые – доминировать. Обычно после такого прогона доморощенный философ добавляет: «Тебе решать, кем быть». Серьёзно?! Я вот что скажу – этот хуеплёт определённо нуждается в прослушивании интенсивного курса по теме «От альфасамца до подноготной грязи за один шаг». Нет никаких «волков» и «овец», на самом деле все люди равны. Я отнюдь не наивный утопист, вооружившийся идеями демократии, просто считаю, что возвышать чуть менее жидкое говно, над чуть более жидким – глупо, особенно с учётом того, как легко меняется консистенция этого вещества под воздействием внешних факторов. Многие могут мне возразить: «Ну, как же так? Есть и хорошие люди, добрые, честные, бескорыстные». А я отвечу: «Конечно, они повсюду, и чем вы тупее, тем их больше». Иногда даже мне – каюсь – может показаться, что кто-то из прямоходящих приматов достоин иного отношения, нежели прочие, но стоит провести с ним чуть больше времени, и наваждение рассеивается. Я прав, уверен, что прав, но всё же в этом споре у моего оппонента есть сильный козырь – Ольга. Не могу понять, что с ней не так. Она ни добра, ни честна, и ни на секунду не бескорыстна. На-

звать её хорошим человеком означало бы солгать самому себе, а на такое я пойти не могу. Она не друг мне, и будь я проклят, если допущу подобное скотство. Но всё же мне не под силу вписать её в свой Кодекс. Она – кислота, разъедающая фундамент моего миропорядка. Временами она меня бесит, но мне ни разу не хотелось её убить, разве что придушить немного. Понимаю, что глупо, странно и нездорово, но одна только мысль о её смерти доставляет мне боль, словно это разрушит мою связь с чем-то неизъяснимым, чего нельзя осознать, пока не лишился. Какая-то неведомая херня поселилась во мне вместе с появлением Ольги, росла внутри, и теперь, боюсь, её не вытравить. Кто сказал «любовь»?! Нет, эта пошлая дрянь для бесхребетных слюнтяев, между нами совсем другое. Быть может, дело в родственности душ? Быть может, дело в том, что мы оба – «волки», которых изменит только смерть. А может, эта патетическая хуйня замешана на химии с психопатией, и хороший электрический разряд в височные доли мозга легко разорвёт все надуманные связи, нити и прочую возвышенную поебень.

Наш ЗиЛ, гружёный теперь, помимо прочего, двумя «Кордами» с полными коробами по сто пятьдесят патронов, тремя АК и двумя «Бизонами» с россыпью набитых магазинов, месил грязь в направлении юга. Там, в сотни километрах от Навашино, расположился городок с запоминающимся названием – Кадом. Скорее, это было даже село, домов на пятьсот, ничем не примечательное кроме одного – оно уце-

лело, находясь в опасной близости со своим недобрым северным соседом. И причиной тому – «Гоморра» – отличный, чистый, как слеза младенца, самогон. Выращивая и перерабатывая сахарную свеклу, жители Кадома на своей винокурне выдавали один из самых востребованных продуктов в промышленном масштабе и насыщали им близлежащий рынок. Немалая доля «Гоморры» при этом отходила Навмашу в качестве платы за протекторат. Семипалый, будучи отнюдь не глуп, рассудил, что ликвидировать процветающее предприятие, пуская его тружеников с молотка – не лучшая идея, когда можно грабить их на регулярной долгосрочной основе. Пожалуй, это единственный известный мне случай научно обоснованной пользы алкоголя для человеческих организмов всех возрастов и состояний здоровья.

– Почему именно на юг? – спросил Павлов, выискивая путь среди бездорожья. – Чем другие направления хуже?

– С запада Ока, – мотнул я головой направо. – Сомневаюсь, что наши недруги базируются на том берегу, а проказничают здесь, слишком неудобно. На востоке Арзамас, нет смысла светиться сразу в двух чужих вотчинах. На севере Нижний, там только совсем ебанутые осядут, а эти ребята на ебанутых не похожи. Остаётся юг – глухие безлюдные леса, живых поселений на сотни километров по пальцам пересчитать, а брошенных – хоть жопой кушай, и никто не скажет: «Не трожь, моё!». Если бы мне понадобилась база для осуществления террора добрых жителей и гостей Навашинской

пустоши, я бы двинул именно на юг.

– С чего ты решил, что у них есть база? – поинтересовалась Ольга, разглядывая унылый пейзаж. – Они могли взять желаемое и убраться восвояси.

– Опять ты о каком-то «желаемом». Может, поделишься подробностями?

– Я уже говорила – никто не станет атаковать бронеколонну ради амуниции и проводов. Чушь же, и ты сам прекрасно это понимаешь.

– А как же мотоциклист, подорвавший Святых? – возразил я. – Он тут катался, два дня спустя после атаки. Так не делают, когда хотят побыстрее свалить.

– Мы даже не знаем, связан ли он с нападшими на колонну.

Придушить, да, совсем чуть-чуть, чтобы не задавалась.

– Мы мало что знаем – это факт. Но нельзя же просто сидеть и ждать манны небесной. И, если мои планы тебе не в жилу, так предложи свои, поумнее. А то только нудишь без дела.

– Вообще-то я к вам не напрашивалась, – прищурила Оля свои голубые глазки.

– При чём тут это вообще?

– При том! Ведёшь себя, как херов командир.

– Так у тебя есть план?

– Мы сотрудничаем на равных условиях.

– Твой план, не вижу, давай его сюда.

– Я обдумываю, – проскрежетала Ольга.

– Тогда заткнись и не действуй мне на нервы.

– Ублюдок.

– Павлов, тормози. Пошла вон из машины.

– Что?! – неподдельно удивилась она.

– Ты слышала. Давай, проваливай.

– Шутишь?! – ЗиЛ, остановившись, дёрнулся, и золотистый локон упал на наморщенный лоб.

– А похоже?

– Я из-за тебя лошадь продала! Выкинешь меня посреди пустоши?

– Надо было об этом раньше думать, до того, как гоношиться.

– Кол, я...

– На выход.

Оля нахмурилась, засопела и без лишних слов покинула нашу уютную кабину, хлопнув дверцей так, что чуть стёкла не повывлетали.

– Счастливого пути, – любезно подал сидящий в кузове Станислав зачехлённую винтовку и вещмешок.

– Трогай, – махнул я Павлову.

– Думаешь, это хорошая идея? – со скрипом воткнул тот рычаг коробки передач. – Она вряд ли легко такое забудет. Как бы нам сейчас пулю в мост не схлопотать.

– Отъезд ещё чуток, – глянул я в зеркало на провожающую нас испепеляющим взглядом Ольгу. – М-м... Немного

подальше. Да, думаю, ты прав. Возвращайся.

Павлов облегчённо выдохнул, и ЗиЛ покатился задним ходом к источнику прожигающих его лучей ненависти.

– Садись, – открыл я дверцу.

– С возвращением, – печально принял Станислав винтовку и вещмешок.

– Не делай так больше, – процедила Оля, забравшись в кабину, и со скрещёнными на груди руками немигающим взглядом уставилась вдаль.

Воспитательное мероприятие возымело эффект, и следующие минут пятнадцать мой план притворялся в действие никем не оспариваемый, в чудесной умиротворяющей тишине, нарушаемой лишь мерным рокотом двигателя, пока над самой моей головой не раздалась барабанная дробь. Станислав колотил кулаком по крыше кабины и указывал направо. Там, среди поросли засеявших пустошь осин, темнела вереница фигур, движущаяся с юга на север.

– Отклонись-ка, – подвинул я Ольгу и достал из бардачка бинокль.

Процессия насчитывала три десятка баб разных возрастов и пятерых вооружённых всадников, сноровисто гонящих своё стадо. Бабы одеты по погоде, с мешками и узлами в руках, побитых и раненых не заметно.

– Рабы? – спросил Павлов, отвлëкшись от того, что с трудом можно было назвать дорогой.

– Не знаю. Странно это всё, – опустил я бинокль. – Да-

вай-ка к ним поближе, только не спеши, сегодня все такие нервные.

Оля молча достала «Вальтер» и проверила магазин.

Заметив, что наш грузовик отклонился от прежнего курса, всадники-конвоиры остановили бабью колонну и переместились за неё, автоматы и винтовки переключивали со спин в руки.

– Стас, – стукнул я костяшками по заднему стеклу. – Будь добр, объясни этим господам, что мы пришли с миром. Не хотелось бы за неполную неделю убивать представителей сразу трёх бригад.

– Хорошего помаленьку, – пробурчал Станислав и, поднявшись в полный рост, обратился к погонщикам: – Мы не хотим проблем! Нам надо только побеседовать с вами! Сейчас мы подъедем ближе, чтобы не орать! Сохраняйте спокойствие, и никто не пострадает!

– Моя школа, – не преминул я отметить свои заслуги, в ответ на Олину кислую мину. – А что? Хорошо ведь говорит.

Павлов подкатил грузовик к процессии и поставил его правым бортом в их сторону, предусмотрительная сволочь.

– Оля, выпусти-ка, – попытался я перебраться через её ноги. – Вот вымахала, скоро меня перерастёшь.

В ответ на что получил лишь многозначительный вздох и проигрывание желваками.

– Приветствую, друзья! – вышел я к стоящим позади живой изгороди всадникам. – Вы чьих будете?

– Навмаш, – проблеял тот, что стоял по центру – худощавый тип с бородкой, обрамляющей чертовски не располагающую к общению острую как у хорька рожу.

– Я так и подумал, когда увидел этих прекрасных животных. Да и лошади у вас отличные. Откуда гоните, если не секрет?

– А тебе что за дело? – натянул он поводья своей чуть нервничающей кобылы, не снимая правой руки с автомата.

– Да чисто ради справки. Мы тут разыскиваем кое-кого, с личного благословения отца Фомы. Вот и хочу поинтересоваться, где вы были, что примечательного видели. Расходов-то вам с того никаких, а польза общему делу может быть велика. Ну так что, подсобите в богоугодном начинании?

Услыхав про Фому, хорёк чутка подрастерял спесь и сделался более открыт к общению:

– С Кадома ведём, если уж так интересно. А примечательного не видали ничего.

– С Кадома, говоришь?

– Какие-то проблемы?

– Ни малейших. Просто, странно это. Я слышал, Кадом у Навмаша под крышей, а тут вдруг такое. Давно ли всё поменялось?

– Не менялось ничего, – потрепал хорёк переминающуюся с ноги на ногу кобылу по холке. – Эти суки хитрожопые дань не шлют. Ну бригадир и дал им неделю сроку, а нас послал заложников взять, чтоб шевелились живее.

– Как интересно. А в чём же причина задержки?

– Да мне похуй в чём. Моё дело – приказы выполнять, а не в отмазах гнилых разбираться.

– Справедливо. Что ж, не смею более задерживать, доброго пути.

– И вам не помереть.

Я вернулся к машине и забрался в кабину.

– Что, так их и оставим? – поинтересовался лейтенант, провожая вереницу заложников сочувственным взглядом.

– Нет, конечно. Сейчас приотпустим чуток, а потом Оля разложит свою шайтан-трубу и снимает негодяев одного за другим. Погрузим бабёнок в кузов, привезём в Кадом родной, на радость мужьям да детишкам малым. А там уж нас отблагодарят, пировать будем трое суток без передыху, герои ж, хуйли. Хотя, возможен и другой вариант – Семипалый пришлёт айнзацкоманду и зароет живьём каждого десятого селянина. И будет это не через трое суток, а завтра. И защитить их будет некому. И, зная об этом, встретят нас в Кадоме не хлебом-солью, а пулями да картечью. Но то уже детали, не забивай себе голову, едем.

Чем дальше на юг, тем гуще становилась молодая поросль деревьев, знаменуя передачу власти из сухих тощих рук пустоши в могучие длани уже показавшегося на горизонте леса. Ряды осин пополнили берёзы и сосны. Два первых представителя местной флоры легкогнулись под гнётом ЗиЛа и хлестали по днищу своими беспомощно тонкими века-

ми, а вот сосёнки приходилось объезжать. Эти лохматые коренастые мерзавки стояли насмерть, сильно затрудняя наше продвижение. Временами приходилось останавливаться и браться за топор, так что к лесу мы подъехали уже затемно.

– Протиснешься? – спросил я, оценивая невеликую ширину просеки, уходящей из светового пятна фар в непроглядную для людских глаз черноту.

– Думаю, да, – кивнул Павлов, – если дальше не хуже.

– Вроде одинаково. Ну, давай помалу.

ЗиЛ рыкнул и покатил в негостеприимную чащобу, перепавшая колёсами тележную колею под аккомпанемент ломающихся веток.

К ночи ближе заметно похолодало. Печка в кабине работала говённо, если вообще работала, и я даже позавидовал Станиславу в кузове, забравшемся под брезент.

– Оля, двигайся поближе. Чего к холодной двери жмёшься?

– Обойдусь, – не оценила она мою заботу.

– Так и простыть можно. Ну как знаешь.

– Не пойму, что с ним такое, – покрутил лейтенант регулятор обогревателя.

– Да забей. Меня хвори не берут, а нашей королеве и так сгодится.

– Вообще-то тут ещё и я сижу, – эгоистично возразил Павлов и продолжил вращать регулятор, держа руль одной рукой и искоса поглядывая на просеку. – Работай, кусок говна.

– Бля!!! – инстинктивно вскинул я руки в попытке убедить голову от летящего в неё предмета. Тот появился из ниоткуда, саданулся о передок машины, подлетел и, прокатившись по капоту, свалился за левое крыло.

– Что это было?! – резко тормознул лейтенант.

– Нагнись! – придавил я Павлова к рулю, шаря стволом АПБ поверх его затылка.

– Какого хера творится? – недовольно поинтересовался из кузова Станислав.

– Мы только что сбили неведомую хуйню, – вытолкал я протестующего лейтенанта, так и не разглядев целей, и вылез следом.

– Может, олень? – предположила Ольга, разглядывая лесную чащу через приоткрытое окно.

– Не похоже, – снял я со слегка погнутой решётки радиатора клочок светлой шерсти и продемонстрировал её подошедшему Павлову.

– Волк? – блеснул тот интеллектом.

– Возможно, если здешние волки ходят на задних лапах или размером с лося. Как бы он, по-твоему, перелетел на капот? Эта тварина выпрыгнула из лесу и оказалась почти в двух метрах над землёй, когда мы его ударил. Ни волки, ни даже волколаки так не прыгают. При этом он был не особо тяжёлым, решётку только чутка помял.

– Пряма белка какая-то или заяц-переросток, – озвучил новую гипотезу Станислав.

– Думаю, это ближе к истине.

– Очень рад, что тебе нравится, – поправил он автоматный ремень, взглядываясь в темноту, – но у меня сегодня нет желания это выяснять.

– Не любишь зайчишек?

– Главное, чтобы зайчишки меня не полюбили.

– Огнём обжегшись, на воду дуешь, – не сдержался я.

– Молоком, – вклинился Павлов.

– Что, прости?

– Поговорка такая – молоком обжегшись, на воду дует.

– Ты просто не видел, это был огонь. Поехали.

Глава 10

Убить человека довольно сложно, не обладая должным опытом и навыками. Несмотря на всю свою ущербность, это весьма живучая дрянь. Скажем, если попытаться заколоть *homo sapiens*, будучи дилетантом, нужно подготовиться к тому, что работать ножом придётся очень интенсивно. Новички наносят по тридцать-сорок ударов, прежде чем жертва перестаёт сопротивляться. Их действия не скоординированы, хаотичны, они втыкают нож куда придётся. Клинок вхолостую колет мускулы и жировую ткань, утыкается в рёбра, в грудину, позвонки, скользит по черепу, вязнет в неподатливой гортани. Обилие крови и возможный шок жертвы зачастую вводят дилетантов в заблуждение, они, измотанные

борьбой и напуганные видом содеянного, решают, что всё кончено, и спешат убраться подальше, а жертва, оклемавшись, встаёт и идёт зализывать бестолковые раны. С огнестрелом попроще, но и там нет гарантии. Пуля, как известно, дура, может отклониться, задев ребро, и обойти внутренние органы, может попросту не дойти до них, если цель заплыла жиром или нарастила здоровенную мышцу. Да что там, даже поражение мозга не гарантирует смерть. Иным сучьим детям по полголовы сносит, и живут потом, как ни в чём не бывало, а ведь казались совсем мёртвенькими. Если уж говорить о надёжности, то я бы порекомендовал гарроту. Как-то раз самолично подвергся удушению и могу сказать, что прикинуться усопшим там чертовски затруднительно. Для пущей эффективности хорошо бы применять абразивную струну, такая не только душит, но и режет, так что, если строптивый засранец изловчился просунуть пальцы между гарротой и своей шеей, достаточно лишь сделать несколько движений туда-сюда, чтобы они больше не стояли на пути. Коль паранойя расцвела совсем буйным цветом, и ночные кошмары присылают мстительных недобитков, ничего не стоит отпилить голову начисто, это укрепит здоровый сон. Но все вышеперечисленные способы умерщвления и рядом не стояли с наиболее эффективным, гарантирующим стопроцентный результат, жестоким как похмельный Сатана, и изошрённым как скучающий Господь. Ровесница самого человечества, эта штука не оставляет раненых, не промахивается, не даёт ни

единого шанса на спасение, выедавая нутро вчистую. Имя ей – обречённость.

Кадом встретил нас давно мёртвыми окраинами, от которых теперь остались лишь фундаменты – традиционная картина для «выживших» поселений. Человеческая стадность в тяжёлые времена заставляет людей сбиваться плотнее, но отнюдь не для того, чтобы помочь ближнему, а потому, что в тесной толпе шансы подохнуть распределяются равномернее. На миру и смерть красна. На счёт красоты можно, конечно, поспорить, но осознание того, что ты не одинок в своей беспомощности, помогает людям справиться со страхом и отчаянием. Абсолютно иррациональное дерьмо, но оно работает. Вероятно, причина в самой блядской натуре человека. Главная цель этих ничтожеств заключается не в том, чтобы выжить, а в том, чтобы пережить соседа. Соревнование длится уже более шестидесяти лет, и одиночкам в нём нет места.

Миновав поросшие лесом отголоски ушедшей эпохи, мы, наконец, выехали с просеки к полям.

– Ни вышек, ни заграждений, – с присущей ему сметливостью отметил лейтенант и кивнул на сиротливую хижину у дороги. – Странно это.

– Тормозни, осмотримся, – дал я Ольге знак выметаться из кабины.

– Может, не стоит? – поёжился Павлов.

– Сиди тут. Не глуши мотор. Станислав, – обратился я,

выбравшись наружу, к обитателю кузова, – прикрывай, и...

– Не беспокойся, попытается свалить – пристрелю, – предвосхитил он мою просьбу и, стукнув кулаком в заднее стекло добавил: – Шутка.

Хижина, по-видимому, выполняла функцию сторожки. Вот только сторожей поблизости не наблюдалось. Дверь была распахнута, ставни выломаны, внутри ни огонька, рядом на погнутой железной штанге болтался набатный колокол с вырванным языком.

Судя по толстому нетронутому слою земли на порогах, сторожку оставили далеко не вчера. Внутри пахло плесенью и сушёным зверобоем, веники которого висели на верёвке вдоль печи. Нехитрая мебель была перевёрнута, будто оказалась в эпицентре яростной схватки, пол усеяли осколки кухонной утвари.

– Кто-то тут дал бой, – тронул я пальцем бурые мазки на холодном белёном кирпиче. – Только вот кому?

– Следов от пуль нет, – заметила Оля, – гильз тоже.

– А драка была славная, – указал я на тёмные пятна, испещрившие пол, стены, мебель и даже потолок местами. – Как считаешь?

– Считаю, надо убираться отсюда поскорее. Село в пяти минутах езды, там и поспрашиваешь, если такой любопытный.

– Неужто это та бесстрашная, сующая всюду свой нос непоседа, которую я когда-то привёз из глухого таёжного

края?

– Не время для шуток, Кол. Ты знаешь, я разное дерьмо костями чую, и сейчас тот самый случай.

Это да, чутьё у Ольги и впрямь звериное. Такую врасплох не возьмёшь. Есть люди, которые ощущают взгляд в спину, есть те, кто по глазам шулера прочитает его карты, а Ольга... Она не раз опережала смерть, чуя дуновение от опускающейся на свою шею косы. Да и на мою тоже.

– Ладно, уходим.

– Ну, что там? – почти шёпотом спросил Павлов, как только мы вернулись к машине.

– В сторожке-то? Сторож, – ответил я, пристроив сиделище на успевшее остыть кресло. – Повсюду.

– Не понял.

– Кто-то с ним здорово порезвился, раскрасил бедолагой избушку.

– Ритуальное убийство? – на полном серьёзе спросил лейтенант.

– Точно, – предпочёл я избежать долгих и мучительных пояснений. – Езжай уже.

– Час от часу не легче, – дал Павлов по газам.

Вдалеке, за полем, виднелись тусклые огни, но их было подозрительно мало для такого крупного села. Да и поле выглядело странновато, щедро утыканное свекольной ботвой в конце октября. Могло показаться, что Кадом вымер, если бы не струйки дыма, тянущиеся из печных труб. Безлюдная

улица, освещаемая вот-вот затухнувшим масляным фонарём, чёрные дома с плотно затворёнными ставнями, и настораживающая противоестественная тишина окружили наш медленно катящийся на нейтралке, с выключенными фарами, грузовик.

– Тормози, – засёк я какое-то шевеление в прогоне, и вылез проверить.

Возмутителем кладбищенского спокойствия оказался мальчуган лет двенадцати, прущий ведро с водой, и затихавший в кустах, как только приметил нас.

– Тебя видно, – присел я возле скрючившегося у забора пацана. – Вылазь, разговор есть. Да не ссы. Ну, как знаешь, можем и так перетереть. Что за херня у вас тут творится?

– Не троньте его!!! – раздался у меня за спиной полубезумный бабий крик. – Христом-богом молю! Не троньте! – бухнулась на колени и поползла так ко мне растрёпанная тётка, выскочившая из ближней избы. – Он один у меня! Кровинushка! Не губите! Сжальтесь!

– Спокойно, – поднялся я, разведя руки в стороны. – И не думал никого губить, пока.

Баба под прицелом двух стволов замерла в молитвенной позе.

– Всего лишь поговорить хочу, – продолжил я, удостоверившись, что истерика закончена и отметив про себя, что разыгравшаяся драма не побудила хоть к каким-нибудь действиям ни одного соседа.

– А вы кто? – прошлёпала баба дрожащими губами, продолжая стоять на коленях.

– Не те, кого тебе надо бояться, по крайней мере, сейчас.

Похоже, мой ответ её обнадёжил, и тётка принялась отбивать земные поклоны, беззвучно вознося молитву. Пацан тем временем выбрался из кустов и, забыв про ведро, опрометью залетел в избу.

– Так чего, дорогуша, может, прояснишь ситуацию?

– Сейчас, – поднялась умоленная на ноги и, часто кивая, приставными направила в сторону крыльца, – сейчас, я только это... Я сейчас только вот, и сразу, ага... – С этими многозначительными словами она захлопнула дверь и клацнула замком.

– Эй! Что за дела?

– Хотите говорить – ступайте к старосте! – донеслось из-за двери.

– И где этот староста?

– По улице дальше, большой красный дом справа от церкви!

– Ненавижу людей, – вернулся я к машине и велел Оле двигаться: – Давай в серёдку.

– Чего это? – пересела она.

– Буду прохожим из окна по коленям стрелять, а уж потом разговоры разговаривать.

– Меня от этого Кадома в дрожь бросает, – поделился сокровенным Павлов. – Зря мы сюда сунулись.

– Согласна, – оперативно вступила в оппозиционную мне группировку Ольга. – Надо взять языка и убираться к чёрту.

– Чего вы разнылись? Мы тут не детей растить собираемся. Сейчас потолкуем со старостой, проясним картину, и всё кругом делается милым и уютным. Вы же в курсе, что больше всего пугает неизвестность?

– Не, – помотал головой лейтенант, – лично меня пугает чокнутая нелюдимая деревенщина из глуши.

– Я давно подозревал, что у тебя проблемы. Во сне не мочишься?

– Дерьмо... – сокрушённо вздохнул Павлов и стукнул ладонями по рулю.

– В чём дело?

– Нам же здесь заночевать придётся.

– Рядом со мной не ложись. А вот и она.

Мрачное увенчанное чёрными куполами здание церкви соседствовало с обветшалой колокольней. На тёмной площади и расходящихся в стороны улицах ни души, только сидящие на крестах вороны намекали, что жизнь ещё не окончательно покинула это неуютное местечко. Двухэтажный дом из красного кирпича справа от церкви, как и сказала тётка, светился одним единственным окном наверху сквозь затворённые ставни.

– Староста! – постучал я в дверь, прикрытый бдительными товарищами, остающимися в машине. – Открывай, разговор есть! Оглох что ли? Лучше не заставляй меня ждать,

сучёньш!

Немного погодя, наверху послышался скрип оконной рамы, а затем отворились и ставни, но в проёме никто не показался.

– У нас ещё неделя! – срываясь на визг, проорал нетрезвый голос.

– Если не откроешь, я тебя спалю нахрен! Считаю до десяти!

– Ладно-ладно! Уже иду... – раздался звон битой посуды и неразборчивые проклятия.

Я дал своим верным помощникам знак покинуть грузовик, вынул АПБ и навинтил глушитель.

Приоткрывшаяся дверь тут же получила ускорение, познакомившись с моей подошвой, и резко затормозилась, передав импульс бородатой физиономии позади неё.

– Грабли поднял! – схватил я за шиворот исходящего спиртовыми парами мужика лет пятидесяти в одном исподнем и приставил к его затылку ствол. – Пошёл! Кто ещё в доме?

– Никого, – проблеял тот, поливая половицы кровью из расквашенного носа.

– Давай наверх.

– И суток же не прошло ещё, – простонал он чуть ни плача. – Мы же договорились. Что за хуйня?

– Сейчас ты точно договоришься, двигай копытами! Заходи. На пол сел, – сориентировал я его пинком в угол отча-

янно нуждающейся в уборе комнаты.

– Внизу чисто, – присоединилась к нам Ольга.

– Наверху тоже ни души, – вошёл следом Стас с лейтенантом.

– А вы... – вытянул староста указательный палец в направлении Оли, предварительно намотав на него красную соплю. – Вы кто такие? А?

– Давай-ка по порядку, не забегая вперёд, – сел я на койку, выбрав место почище. – Начнём с той стрёмной поебени, что у вас тут творится.

– Вы не от Семипалого! – не унимался староста. – Какого хуя?! Да вы знаете...?!

Возмущённая тирада резко прервалась, когда выпущенная из АПБ пуля легла возле левого уха говоруна.

– Бля! – шарахнулся он в сторону, лихорадочно ощупывая голову.

– Я ж говорил, что прицел сбился, – весьма кстати подыграл Станислав, – а ты не верил.

– Вот гадство, – повертел я в руках пистолет и снова прицелился.

– Не надо!!! – вскинул клешни староста, сжавшись, как мошонка на морозе. – Я расскажу! Мне жалко разве? Да ничуть не жалко, времени-то у меня теперь аж цельная неделя, а потом всё одно помирать.

– Вижу, ты, как можешь, ускоряешь этот процесс, – кивнул Станислав на пустые склянки, разбросанные по заблёт-

ванному полу.

– Давно бы до смерти упился, будь желудком покрепче, – привалился староста к стене и вытянул ноги.

– А что же пули в голову испугался?

– Так ведь без раскачки-то оно страшновато. Прежде подготовиться нужно, духом собраться, ну или наебениться в стельку. Я вчера ещё вздёрнуться думал, да так и не решился.

– И в чём же причина столь глубокой печали? – поинтересовался я.

– Сил уже нет, – развёл руками староста и безвольно уронил их. – Куда ни плюнь, везде какое-нибудь говно, и день ото дня его только больше. Семипалый продукт требует, заложников взял, а гнать не из чего, потому что свекла на полях не убрана, а неубрана потому, что народ туда выходить боится, а боится потому, что поп этот – сука треклятая – людей чертями пугает мне назло, а пугает потому, что черти эти и впрямь на полях наших водятся. Такие вот дела, – вздохнул он и, запрокинув голову, уставился в потолок. – Конец Кадому, и нам конец. В пекло это всё.

– Последний пункт разъясни-ка поподробнее. Что за черти такие?

– Обычные черти, – пожал староста плечами. – Хватают людей, да в ад утаскивают.

– Так поп говорит? – уточнил Станислав.

– Ну а кто ещё? И верят ему все. Но, по чести говоря, как тут не поверишь, когда вышло полсотни людей на поля, да

ни одного не вернулось?

– И тел не нашли?

– Одно только тряпьё кровавое по земле раскидано.

– Это странно, согласен. Но почему именно черти?

– Видали их мельком у околицы. Страшенные, говорят, с рогами, копытами – ни дать ни взять черти.

– Полсотни человек, значит? – закрались мне в голову крупницы сомнения.

– Не за раз, конечно. Трижды это происходило. Но уж в четвёртый никто судьбу испытывать не желает. Лучше, говорят, с голоду помрём или от навмашевских, чем душу свою бессмертную чертям в лапы отдадим.

– А сам что на поле не вышел? – взяла Оля иконку из красного угла. – Разве староста не должен собственным примером людей на трудовые подвиги вести, да ещё в такие трудные времена? Если всем селом выйти, может и чертям тошно станет.

– А то я не звал! Звал, конечно. Не идёт никто. Они все теперь Емельяна слушают.

– Попа вашего?

– Его, будь он не ладен. Этот гад давно на меня зуб точил, а как случай удобный подвернулся, так и привадил всех своими речами ядовитыми. Я уж и ходил к нему, и говорил с ним по-всякому, и денег сулил – ничего не помогает. Упёрся, как баран. О душах он, дескать, печётся, не до бренного мирского ему, понимаешь. Падла, – староста замолчал и об-

вёл нас вопросительным взглядом: – А вам-то это всё зачем?

– Чисто из академического интереса, – пояснил я. – Так-то нас твои проблемы вообще не ебут.

– А какого вам тогда от меня нужно?

– Слышал про взрывы в пустоши?

– Ну, – прищурился староста.

– Что тебе об этом известно?

– Вы это что же, меня подозреваете?

– Как и любого в радиусе пятисот километров, – поделился деталями следствия Станислав. – Что необычного ты видел за последнюю неделю, не считая чертей?

– Чертей-то я и не видал, – усмехнулся староста как-то подозрительно. – А вот по вашей теме кое-чего подметил, и не я один. Мы тут, в Кадоме, безвылазно сидим, каждый куст, каждую ветку как родную знаем. И если чего непривычного случается, так это завсегда видать. Особенно тем, кто не только себе под ноги глядит. А вы, стало быть, тех лиходеев разыскиваете?

– Разыскиваем, – кивнул Стас. – И ты нам в этом поможешь.

– Как не помочь, помогу. Только сперва вы мне помогите.

– Поторговаться решил?

– А чего бы и нет? Хуже уж точно не станет.

– Я бы не был так уверен на твоём месте. Видишь этого мутанта? – указал Станислав на меня, как на какую-то ручную зверушку. – Он охотится на людей, и те, за кем его по-

сылают, узнав об этом, сами идут с повинной. Наиболее умные из них. А те, кто поглупее, кто считает, что хуже уже некуда... Поверь, ты не желаешь оказаться на их месте.

– А я попробую, – оскалился староста и ткнул в мою сторону пальцем, заметив блеск покинувшего ножны клинка. – Предупреждаю! Я не переношу боль и расскажу всё! Но это будет неправда, – гадко захихикал он. – У меня богатая фантазия, я такого нагорожу – замучаетесь расхлёбывать. Но потом, конечно, я сломаюсь и скажу правду, – вскинул он ладони примирительно. – Или снова совру. А может правда была в самый первый раз? Как знать. Я человек слабый, из меня можно вытрясти всё, и даже больше, гораздо больше. Да с селянами вам поговорить – раз плюнуть, верно? Может, кто чего и видел. Управитесь за недельку? – снова принялся он полубезумно хихикать, обняв себя за плечи.

– Эта сволочь начинает мне нравиться, – убрал я кинжал в ножны. – Так чего же ты от нас хочешь?

Глава 11

Каковы основные желания человека? Что идёт следом за жизненно необходимыми кислородом, водой, пищей и сном? Быть может, это желание вписать своё имя в историю, или хотя бы оставить о себе добрую память? Ну, как то сомнительно, явно не для всех. Может это жажда любви и понимания, поиск родственной души? Наверяд ли, такое я только

в книжках видал. Покой? Большинство не доживает до возраста, сопутствующего таким желаниям. А вдруг это стремление к счастью и поиск неземного наслаждения, какими бы они кому ни представлялись? Нет, не думаю, что алкоголизм и наркомания настолько популярны, хотя примеры, безусловно, есть. А что же тогда? Секс? Хм, пожалуй, это куда как ближе к истине. Насилие? О да, я ещё не встречал человека, не желавшего смерти или членовредительства другому человеку. Власть? Без сомнения, этого добра никому и никогда много не бывает. Более того, власть – кратчайший путь к качественному сексу и невозбранному насилию. Кто же не мечтает стать вожаком стаи, чтобы трахать вожделирующих его самок и наказывать, под всеобщее одобрение, зарвавшихся самцов? Погружать клыки в загривок бета-кобеля и нежно покусывать альфа-сучку, упиваясь своим доминированием – вот оно, то самое истинное, в своей честной первобытности. «Стоп-стоп!» – скажут скептики. – «Мы ведь рассуждали о первостепенных желаниях человека». «Идите нахуй» – отвечу им я. – «Нет на свете занятия более неблагодарного, чем искать человеческое в человеке».

– Хочешь нашими руками избавиться от надоедливого попа? – задал я старосте наводящий вопрос. – Как его там?

– Емельян, – подсказал Стас.

– Да, точно. Укокошим Емелю по сучьему велению, по твоему хотению, и после этого ты поведаешь нам свой секрет. Так?

– Не, – ощерился староста, шмыгнув носом. – Вы такой штурм мне устроили, что вся площадь видала. У них хоть ставни и затворены, а глаза-то в каждую щель пялятся. Если Емельян копыта откинет, весь Кадом будет в курсе, что это я вас на него науськал. Так что убивать нельзя, как бы ни хотелось. А вот надавить на него можно.

– Так ведь ты уже давил, – припомнила Ольга, – да без толку.

– Одно дело – я, и совсем другое – вы. Емельян упрям и хитёр, но далеко не так религиозен, как хочет казаться.

– Не фанатик, – подытожил Станислав.

– Мягко говоря. И точно не святой.

– Говорят, истинная вера приходит через страдание, – воззрился Стас к потолку. – Сломаем ему ноги, для начала.

– Нет-нет, – потряс пальцем староста. – Так не годится. Я же говорю, любое насилие над ним сразу на меня укажет. Хотите из этого попа мученика сделать? Вы его ещё к кресту присобачьте! Чтобы меня потом на колокольне вздёрнули, – добавил он, погрузнев.

– И что же нам тогда делать прикажешь? – поинтересовался я. – Убивать нельзя, калечить – тоже. Может ему отсосать? – мой взгляд, ведомый первобытными инстинктами, сфокусировался на Оле, и кончики пальцев осторожно коснулись её бедра: – Детка, как на счёт теологического диспута с отцом Емельяном?

– Да пошёл ты, – наморщила она носик.

– Это вряд ли поможет, – усмехнулся в бороду староста, чем заставил Олю ещё больше нахмуриться. – Будь на его месте я, помогло бы, как пить дать! – вскинул он руки. – Но Емельян к женщинам холоден. Никто его никогда в женской компании не видал, кроме как на исповеди. И худят слухи, – прищурился староста, понизив громкость, – что...

– Пожалуйста, – не сдержал я мышечных спазм, превративших, должно быть, моё обаятельное лицо в гримасу отвращения смешанного с чудовищными душевными муками, – не надо этого. Драматург из тебя хуёвый, так что просто рассказывай без претензий на гениальность, мы не осудим.

– Ладно, – прокашлялся староста. – Есть мнение, что Емельян поёбывает мальчишку-звонаря.

– А вот это было уже чересчур грубо. Как вы считаете? – обратился я к почтенной публике. – Мог бы ведь выразиться и поизящнее. И что значит «поёбывает»? Время от времени, или всё же на регулярной основе?

– Да почём мне знать? Я свечку не держал. Говорю же – есть мнение.

– И чьё мнение? – поинтересовался Стас.

– Моё, в том числе, – с вызовом глянул на него староста.

– Слушай... Как тебя по батюшке?

– Тарас Вениаминович.

– Зря спросил. Слушай, Тарас, – поставил Станислав табуретку напротив старосты и сел, – ты ведь хочешь, чтобы мы тебе помогли?

– Хочу, – кивнул тот, ожидая подвоха.

– Тогда почему ты прилагаешь так мало усилий на благо нашего общего дела?

– Чего это я мало...?

– Ты постоянно недоговариваешь. Из тебя клещами надо информацию вытаскивать. Такое впечатление, что это не тебе нужно, а нам. Так вот я хочу прояснить ситуацию. У нас чертовски мало времени, и если ты намерен продолжать корчить из себя хитроумного интригана, мы, пожалуй, тебя свяжем, вставим кляп в рот, кинем в кузов и увезём в лес, а там примотаем к дереву и будем нечеловечески пытаться, как и предполагалось планом «А». Тс-с-с! – поднёс Станислав палец к губам. – Ни слова мне, сука, не говори про свою богатую фантазию. С нашей коллективной фантазией она не сравнится. Единственное, что мне не нравится в плане «А», так это то, что тебя с твоим хрупким организмом может кондратий хватить от наших пристрастных расспросов. Рука-то частенько к сердечку тянется, да? Поэтому сохрани наше бесценное время и своё пошатнувшееся здоровье – расскажи всё без утайки, а мы уж решим, как с этим дальше поступить.

– Э-э... – начал было староста очередной куплет старой песни, но суровое лицо Станислава с пульсирующей на лбу веной послужило плохим источником вдохновения. – Ладно-ладно, про мальчишку – это больше слухи.

– Больше, чем что? – совместилась ось канала ствола

АК-103 с коленом Тараса.

– Всё, понял. Извините. Просто слухи, ничего больше.

– И распускал их...?

– Я, да, я распускал. Одно время они были довольно неплохо подхвачены, так что осадочек-то остался, как ни крути.

– А мальчишку-звонаря поёбывал тоже ты?

– Нет! Да вы что?!

– Просто предположение по ходу логической цепочки.

– И закройте уже эти чёртовы ставни!

– Я слежу за машиной, – отозвался несущий караул возле окна Павлов.

– Тогда хотя бы говорите потише. В общем, – провёл Тарас ладонью по раскрасневшейся и вспотевшей роже, – очернить-то мне Емельяна особо и нечем, кроме этих слухов. А одних только их маловато. Но, – поднял он указательный палец, – если слухи подтвердятся...

– Это как? – приподнял бровь Стас.

– Мальчишка. Угу, – кивнул староста с видом бывалого заговорщика. – Заставьте его «сознаться». И тогда дело в шляпе.

– Почему сам этого не сделал?

– Не могу, – затряс башкой Тарас. – Малой себе на уме, взболтнёт лишнего, и конец. А вы, как-никак, люди пришлые, с вас и спрос меньше. К тому же, можете сказаться, будто от Навмаша тут по делам, сразу авторитет поднимите. А

дальше-то и разбираться никто не станет, вы же бесчинств не чинили, просто назвались.

– Сколько лет пацану? – уточнил я.

– Четырнадцать-пятнадцать.

– Туповат он?

– Не сказал бы, башковитый стервец.

– И всё равно думаешь, что достаточно будет вида суровых дядек со стволами, сказавшихся, будто они от Семипалого, чтобы этот башковитый паренёк взял да и растрезволил всей округе, как его поп под хвост жарит?

– Может и недостаточно, – согласился Тарас. – Но есть на этот случай козырь у меня. Мальчишка – его, кстати, Игнатом звать – не здешний, с бабкой из-за Оки приехал, родители его померли давно от чёртовой копоты, а бабка в последний год совсем хворая стала, ноги не ходят, на глаза ослабла, за хозяйством следить не в силах уже. Емельян паренька в церкви как разнорабочего пользует – и дров наруби, и воды наноси, приберись, помой, разные там дела плотницкие, не считая звонарства. И всё это за миску похлёбки да гнилой картошки куль. Думается мне, сбежал бы Игнатка отседа давно уже, кабы мог. Но куда ж ему без денег податься? А вы вот возьмите, да посулите, скажем, пять золотых за его... содействие.

– Может помочь, – покивал Стас. – Но золото лучше работает, когда оно перед глазами, а не только на языке. Ты ведь не собираешься кинуть пацана?

– Нет-нет, – затряс из стороны в сторону бородой Тарас. – За такое заплачу с превеликой радостью, даже два золотых авансом выдать готов. Но вы уж ему растолкуйте, что это, дескать, жест доброй воли, а не торг какой-нибудь, что выбора у него нету, и если чего не так пойдёт, то придётся по-жёсткому действовать, а не лаской да золотишком. Ибо тут не до шуток, дела политические, надо Кадом под единоначалие вернуть, смуту пресечь, так-то.

– Где мальчишка? – спросил я, вполне удовлетворившись озвученным планом действий.

– Тут недалеко. Как церковь пройдёте, сразу направо и до перекрёстка, а там налево, в прогоны не сворачивайте, идите прямо, до конца, и как в лесок у реки упрётесь, так вы и на месте, по правую руку их с бабкой дом будет.

Ольга и Павлов остались следить за старостой и нашим грузовиком, а мы со Стасом взяли аванс и двинули по означенному маршруту производить впечатление на стихийно вовлечённую в политику недоросль.

Искомая улочка, ведущая к реке с по-еврейски звучным названием Мокша, выглядела нежилой. Покосившиеся избы с пустыми оконными проёмами заросли терновником и берёзами, на печных трубах вороны свили гнёзда. Только один дом, словно контуженый среди мертвецов, подавал слабые признаки жизни.

– Вечер добрый! – постучал я в хлипкую дверь, затрясшуся на разболтанных петлях, но ещё раньше о нашем приходе

де возвестили жутко скрипучие ступени крыльца. – Откройте, мы по делу.

Едва слышный шорох по ту сторону моментально смолк, и воцарилась зловещая тишина.

– Игнат, – позвал Стас, наклонившись к щели между дверью и косяком, – у нас разговор к тебе. Открой, не заставляй ломать эту халупу.

В сенях скрипнули половицы, и ломающийся голос, с явными но тщетными усилиями казаться ниже произнёс: – А вы кто?

– Мы от Семипалого, – ответил Станислав без раздумий, – и я сейчас вышибу к херам эту дверь, а потом и дух из тебя, если не откроешь.

Лязгнула щеколда, и в приоткрывшейся щели блеснул испуганный глаз.

– Я ничего не знаю, – пролепетал его обладатель и отскочил назад, когда Стас по-хозяйски прошёл внутрь, ткнув Игната стволom под рёбра.

– Где бабка твоя?

– В избе, спит.

– Тогда здесь поговорим, садись, – указал он на скамью у стены.

– Хорошо, – медленно опустил парень седалище и перевёл взгляд на меня. – А о чём?

– О жизни твоей горемычной.

Выглядел Игнатка и впрямь достойным сострадания – ко-

жа да кости, я таких на чёрно-белых фотографиях видал, в книжке про Вторую Мировую. Даже нищоброды Арзамаса, и те поупитаннее будут. На башке копна рыжих волос, на веснушчатой роже ещё и первый пушок не пробился. А глаза добрые-добрые. Там, откуда я родом, такие не выживают, их банально едят более сильные и агрессивные особи. Но Кадом ещё не переступил черту, за которой начинается безусловное торжество естественного отбора, и Игнат шагал по тонкой нити морального над тёмной пропастью первобытного, а мы должны были столкнуть его.

– О моей жизни? – спросил он, держась за ушибленные рёбра.

– Точно, сынок, – потрепал я его по костлявому плечу. – Вероятно, совсем скоро она резко изменится в лучшую сторону, или бесславно закончится.

– П-почему? – сглотнул Игнат подкативший к горлу ком. – Я ничего плохого не делал. Вы... Вы отца Емельяна спросите! Он за меня поручится!

– Вот как раз об отце Емельяне разговор наш с тобою и пойдёт. Точнее, о ваших с ним взаимоотношениях. Ты сиди-сиди, – посоветовал я, видя, что пятая точка Игната оторвалась от скамейки, а взгляд приобрёл оттенки ужаса и мольбы. – Что-то не так?

– Нет, – упал он обратно и задрожал, будто в горячке.

– А бабка твоя знает, чем её внучок занимается? – спросил Станислав, и у парня вся кровь от лица отхлынула, он

побелел и беззвучно зашлёпал губами.

– Что ты там бормочешь? – склонился Стас, поднеся ладонь к уху. – Погромче, не слышу.

– Он... – всхлипнул Игнат, – заставил меня молчать. Сказал, удавит, если кому проболтаюсь. Умоляю, не говорите бабуле.

– Святоши, – не сдержал я трагического вздоха, – первейшие мерзавцы на свете. Как же ты до этого дошёл, дружок? И ведь не сказать, чтобы оно тебе сильно помогло по жизни. Задёшево продался.

– А что мне было делать? – утёр Игнат набежавшую слезу. – Зима скоро, у нас припасов никаких, только и перебиваемся тем, что отец Емельян даёт. Думаете, мне охота было такой грех на душу брать?

– Вот тебе и слухи, да? – глянул на меня Станислав.

– Слухи? – прошептал Игнат, чуть дыша. – Об этом уже судачат?

– А ты как думал? Шила в мешке не утаишь.

– Мне конец. Господи-боже милостивый, – перекрестился пацан, заливаясь слезами. – Мне конец, конец, конец...

– И что тебе светит? – поинтересовался я. – Сажение на кол, или раскалённая кочерга? Бывал я в местах, где таких негодников патокой обмазывали, да в муравейник связанными кидали. Жестокость людская не знает границ. Ну-ну, давай-ка без глупостей, – забрал я из трясущихся рук Игната снятый с гвоздя ржавый серп. – Всё не так уж плохо, как вы-

глядит на первый взгляд. То, что перспективы у тебя здесь не радужные – это факт, однако из любой ситуации можно найти выход, и мы здесь как раз для того, чтобы указать правильное направление. Ты слушаешь меня? – парнишка дёрнул поникшей головой и снова впал в оцепенение. – Вот и славно. Слушай и запоминай, от этого сейчас зависит всё, что у тебя есть. Завтра воскресенье, в церкви будет служба. Так?

– Угу.

– Много народу на неё приходит?

– Много. В последнее время аж на улице стоят.

– Чудесно. Как увидишь, что толпа собралась, выходи к ней...

– Нет-нет, пожалуйста, – взмолился Игнат.

– Выходи к ней, – повторил я менее дружелюбным тоном, – и как на духу режь правду-матку про Емельяна и его непотребное поведение. Желательно с шокирующими подробностями. Начни с того, что больше не можешь носить такой груз на душе, и что каешься в своих прегрешениях на грани возможного. Толпа любит кающихся, так что сразу тебя не убьют. Давай-ка не раскисай, соберись. А знаешь, что толпа любит ещё сильнее? Нет? Она обожает наблюдать за грехопадением тех, кто задавал ей нравственные ориентиры. Потому что они падают свысока, в отличие от тебя – червя навозного. Поверь, весь гнев, вся праведная ярость толпы в тот момент будет обращена против Емельяна. А у тебя, пока

все охуевают от услышанного, появится возможность улизнуть.

– И что будет дальше? Куда мне идти?

– А это уже этап номер два, – вложил я парнишке в холодную ладонь три золотых. – Приготовь всё к отъезду. Сразу после своей минуты славы получишь ещё столько же. Хватит обустроиться на новом месте. И помни о своей бабке, наложишь руки на себя – обречёшь её на голодную смерть. Ты всё уяснил?

– Да, – кивнул Игнат, заморожено пялясь на доселе невиданное богатство в своей руке, после чего поднял взгляд на меня: – Только я не пойму, вам-то всё это зачем.

– Политика, дружок, политика. Не забивай этим дерьмом свою юную голову. Увидимся на службе.

Глава 12

Вера... Никогда не понимал тех, кто верит в то, чего, по их же мнению, человеку не дано постичь. Они говорят: «Я слишком ничтожен, чтобы осмыслить Его замысел, ведь там всё такое странное, нелогичное, абсурдное и недоказуемое, но это правда, я верю!». Почему эти же люди не верят в других богов и их божий промысел – для меня загадка. Откуда такая избирательность? Более того, многие из адептов одной веры нетерпимы к адептам другой. Они не спорят про-меж собою, не доказывают истинность своих убеждений, не

аргументируют постулаты, они просто-напросто заявляют с обеих сторон: «Моя вера единственно истинная». Никто из них не добавляет «потому что...» или «не знаю почему», но если дать им достаточно времени, они поубивают друг друга, поубивают за то, чего им не постичь. Что толкает человека, худо-бедно пользующегося в повседневной жизни логикой, в руки священнослужителей с их замшелыми догматами, основанными на картине мира людей, тысячелетия назад пасших коз и подтиравших жопу песком? Да, у каждой религии есть общий рычаг давления на умы – объяснение происходящего с душой после физической смерти организма. И это мощный рычаг, ведь каждому хочется верить, что мясо на костях и требуха внутри – не всё, что он собой представляет, что есть ещё чудесное, вечное, неразрушимое, делающее своего обладателя человеком, ставящее его выше животных, приближающее к Богу. Этакая спасательная капсула, отделяющаяся от неизбежно терпящего бедствие тела. С ней спокойнее, с ней уютнее, с ней не так страшно умирать. Душу эксплуатируют все религии, эксплуатировали задолго до и будут эксплуатировать много позже. За это их нельзя винить, глупо не воспользоваться такой отличной идеей. Но – чёрт подери! – какого хера заворачивать сияющую жемчужину в выцветшие обветшалые века назад банальности и сказки? И это, когда человечество познало космос, расщепило атом, почти стёрло себя с лица Земли! Каждый Бог мне свидетель, рано или поздно я организую собственную цер-

ковь. Она будет светла и прекрасна. Никаких рабов, никаких грехов и страданий, только любовь, всепрощение и бессмертная душа. Её двери будут открыты для всех, кто в состоянии оплатить членские взносы, а место в раю будет гарантироваться по факту членства, безо всей этой утомительной галиматьи. Но сначала, всё же, надо скопить денег на плавучий бордель.

Переночевав в доме старосты, рано утром мы со Стасом уже дежурили возле дверей храма, сладостно предвкушая грядущий успех нашей маленькой пьесы под названием «Сейчас вы все охуете». С половины девятого публика начала подтягиваться к подмосткам, доселе не выдавшим столь смелых постановок. Ничего не подозревающие кадомовцы приходили семьями, и я едва сдерживал сатанинскую ухмылку, живо представляя себе, как эти тётушки в косынках, идущие под локоток со своими благоверными, пытаются одной рукой закрывать уши малолетним отпрыскам, а другой – беспрерывно крестятся, внимая каждому слову о содомитских проделках своего пастыря, и весь Кадом вдруг становится на шаг ближе к своему библейскому городу-побратиму.

– Никогда ещё так не ждал начала воскресной службы, – поделился я переживаниями со Станиславом.

– Причастимся? – спросил он, глянув на часы.

– О, кровь и тело тут сегодня точно будут, вот только не уверен, что Христовы. Пойдём-ка внутрь, пока лучшие места не заняты, я хочу видеть это во всём блеске.

– До сих пор не верю, что ты отговорил меня брать автомат.

– Прояви уважение к уходящим традициям.

В церкви было уже многолюдно. Воняло ладаном вперемешку с дешёвыми сальными свечами. Народ разбивался на группки по знакомствам и точил лясы в ожидании священного действия. Завсегдатаи то и дело искоса поглядывали на нас – пришлых – и шушукались, заслоняя рты. И вдруг всё стихло. Возле алтаря появилась высоченная фигура в чёрной рясе до самой земли, так, что подол волочился по полу. Фигура, стоя спиной к пастве, взяла расшитую золотом голубую епитрахиль и водрузила себе на шею, приподняв собранные в хвост смоляно-чёрные волосы.

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков, – прогудело под сводами и, готов поклясться, я задержал дыхание от этих звуков.

Есть разные голоса – те, которые заставляют слушать, которые заставляют верить, от которых бросает в дрожь. Но такого голоса я не слышал никогда прежде. Он, будто язык колокола, бил по черепу изнутри и заставлял его резонировать в такт своему потустороннему тембру. Да и внешность Емельяна была под стать его вокальным данным – вытянутое сухое лицо с острыми скулами и тонким горбатым носом обрамляла густая чёрная борода, доходящая аж до пояса, под косматыми нависающими бровями горели глаза-угли, глядящие так, будто Страшный Суд уже начался, и Емельян на нём

прокурором. Представить себе, что этот двухметровый бородач с иерихонским горном вместо глотки охоч до мальчиков было тяжеловато. Но тем ошеломительнее должен быть эффект страшного разоблачения!

Пока Емельян повергал паству в благоговейный трепет, читая входные молитвы, на сцене возник наш протезе и нерешительно замялся, теребя витой ствол семисвечника. Глаза Игната, полные ужаса и влаги, бросали взгляд то на нас со Станиславом, но на спину Емельяна, будто ища поддержки. Первый выход на публику всегда такой волнительный.

– Пошёл! – зашипел ему Стас и коротко махнул рукой, но Игнат всё продолжал мацать церковную утварь. – Долго он – сука! – тельиться будет?

– Дай парню собраться.

– Эй! – снова зашептал Стас сквозь стиснутые зубы. – Я сейчас сам выйду и всё скажу! Понял? И пеняй на себя!

– Не дави, – дёрнул я его за рукав. – А ну как в отказ пойдёт? Ничего не докажем.

Но толи вербальный посыл Станислава достиг цели, толи невербальный, в виде суровой рожи с пульсирующей веной, однако Игнат перестал теребить семисвечник и неверными ногами тихонько пошкандыбал навстречу публике. Поравнявшись с Емельяном, он сделал шаг в сторону и, уверившись, что святой отец до него не дотянется, воздел руки к небесам.

– Люди добрые! – проголосил он дребезжащим от волне-

ния фальцетом. – Смилуйтесь надо мною!

Емельян замолчал и ошарашено уставился на своего подручного. Прихожане разинули рты.

– Я виноват, – продолжил Игнат, уронив руки, словно плети. – Страшно виноват перед вами, – и слёзы покатались по его впалым щекам. – Я так долго молчал.

– Игнат, – пробасил Емельян, не двигаясь с места, – ты нездоров. Пойди приляг, мы поговорим после службы.

Но пацан лишь мотал рыжей башкой.

– Не препятствуй богослужению, а нето... – пригрозил поп, но безуспешно, паренёк вошёл во вкус, и мандраж публичного выступления сменился куражом:

– А нето что?!

– Уймись! В тебя никак бес вселился!

– В меня?! Вот значит как, отче?! Так расскажите же этим добрым людям, как этот бес в меня проник!

– Пошла жара, – пихнул я Стаса локтем, посмеиваясь.

– Опомнись, Игнат, – повернулся «отче» к мальчишке и протянул руку.

– Не троньте меня! – отстранился тот. – Они должны знать!

– Ну давай уже, рожай, – буркнул Станислав.

– Ты сам не разумеешь, что говоришь, – отступил Емельян, приложив ладони к груди. – Вспомни, о чём мы беседовали с тобою, вспомни мои наставления.

– Наставления?! – заорал Игнат, присев, будто собрался

прыгнуть на своего мучителя. – Молчать – вот все ваши наставления!

– Нет-нет, – замотал головой Емельян. – Я же объяснял. Будь благоразумен.

– Он лжёт вам!!! – гаркнул Игнат, тыча в священника пальцем.

– Заклинаю... – попятился тот, вцепившись в свою епитрахиль.

– Всегда лгал! Рядился попом! А сам...

– Нет, молчи.

– Он – чудовище! Чудовище!!!

– Эх мальчика пробрало, – подивился я накалу страстей.

– Думаете, это черти в полях скачут?! – продолжил Игнат, полностью владея охувшей от такого напора публикой. – Это его дети!!!

– Чего блядь? – вырвалось у меня само собой, и инстинкты подсказали, что пора двигать к выходу, ибо пацан ебанулся, а примерять гнев толпы на себя я желания не испытывал. Но то, что случилось дальше, заставило меня пересмотреть своё мнение о состоянии душевного здоровья Игната.

Отец Емельян, продолжавший весь второй акт пятиться вглубь храма, вдруг припал к земле и, сотряса своды душе-раздирающем воплем, прыгнул на иконостас, а с него – в окно, и был таков.

– Чтоб меня... – замер с раскрытым ртом Стас, нащупывая хлястик спрятанной под куртку кобуры.

– За ним! – пихнул я его в плечо и бросился к выходу, распахивая оцепеневшую паству. – С дороги, вашу мать!

Но наградой мне была лишь тень, скачущая по крышам изб и растворившаяся в утреннем тумане ещё до того, как я успел её толком разглядеть.

Тем временем из церкви донеслись звуки выстрелов. Станислав самоотверженно тащил через начавшую приходить в себя толпу Игната, паля в воздух и отвешивая люлей особо настырным, не забывая при этом разъяснять ситуацию:

– А ну съебли нахуй! Он свидетель! Куда сука лезешь?! Это дело Навмаша! Положу всех кхерам собачьим! Дорогу!

На пальбу примчались Ольга с Павловым и включились в процесс спасения «свидетеля».

– К старосте его, и держать оборону, – приказал я Оле, а сам взял на себя обязанности переговорщика с негодующим народонаселением, раскинув руки на манер несущего благую весть волхва: – Ну-ка все замерли на месте и слушаем меня, или будете слушать пулемёт! Вот так, да, не надо окружать, а то неслышно будет! Нет, сначала говорю я, а уж потом вопросы! Итак, друзья мои, сегодня вы все стали свидетелями феноменального явления, которое в научных кругах называется мимикрией. Чтобы всем было понятно, мимикрия – это такая хитрая наёбка, когда вы думаете, что перед вами отец Емельян, а на самом деле там неведомая хуйня в рясе. Но не стоит волноваться! – повысил я громкость, стараясь перекричать зароптавшую толпу. – Всё будет в порядке, для того

мы и здесь! Операция по изобличению выродка-самозванца прошла блестяще, в чём все вы могли убедиться. И звонарь Игнат оказал в этом деле неоценимую помощь следствию. В связи с некоторыми вновь открывшимися фактами нам ещё предстоит допросить его и сделать соответствующие выводы. Однако в целом ситуация нормализована, и опасность миновала!

– Схуя ли она миновала?! – гаркнул кто-то смелый из задних рядов.

– Да! – подхватил ещё один. – Емельян-то утёк! И чего теперяча делать?!

– Ежели это его проделки, так теперь он вовсе осатанеет!

– Народ! – снова решил я воззвать к здравомыслию. – Вы чего разгалделись? Мы вам причину бед выявили? Выявили. Обстоятельства выясняем? Выясняем. Вот ты, да ты, горлопан, – выловил я из толпы одного зачинщика, – пойди-ка сюда! Ты чем недоволен?

– Да я-то что? – сразу погас в нём боевой задор. – Я ж только «за». Э-э... Спасибо вам.

– Вот то-то и оно! А теперь расходитесь по домам! О дальнейших планах вам сообщит староста, после того, как мы закончим дознание! Разошлись, я сказал!!!

Толпа ещё маленько пороптала себе под нос и начала рассасываться.

Удивительное, всё-таки, дело – стадность. Эгоистичные существа, больше всего озабоченные сугубо личными по-

требностями, собираются в кучу, и над ней сразу начинает витать дух коллективного разума. Они каким-то неведомым образом проникаются общей идеей и начинают выражать её, как один, дополняя друг друга. Заряженная целью толпа – страшная сила. Тупая, как скот, но чертовски эффективная, благодаря своему примитивизму. Ей не доступны такие штуки, как критическое мышление, тактика или стратегия, но она так же лишена сомнений, страха и морали. Каждый из толпы, сколь бы умён он ни был, превращается в примитивную клетку единого организма, его личное мнение перестаёт иметь значение, оно вообще перестаёт существовать, уступая место коллективному. Но в какой из множества голов это коллективное рождается? В той, которая громче всего кричала. Голос толпы всегда начинается с одного выкрика. И стоит только локализовать этот голос, как толпа из смертоносной стихии превращается в послушное стадо.

В доме старосты царил террор. Стас жёстко прессовал пацана, добиваясь разъяснений, как же так вышло, что все думали на безобидную содомию, а по факту вскрылся межвидовой заговор с геноцидом:

- Ты, сука, тупой?! Ты почему молчал?!
- Я думал, вы знаете! Вы же сами так сказали!
- Мы сказали, что знаем про твои шашни с попом!
- Нет! Не так было!
- Подсознание, Станислав, подсознание, – потрепал я дрожащего как осиновый лист Игната по голове, – иногда

может сыграть злую шутку. Особенно, когда ты уверен, что говоришь об очевидном, а оно таковым не является.

– Как вы вообще могли подумать, будто я и отец Емельян...? – скривился Игнат.

– Эка невидаль.

– Кто такое говорит?

– Птичка напела, – глянул я вскользь на притихшего старосту. – Ладно, сейчас вам не о сексуальных предпочтениях думать надо. Так ведь, Вениаминыч? Давай-ка закроем сделку и не будем отвлекать тебя от решения насущных проблем.

– Как закроем? – выпучил тот глаза.

– Мы свою часть исполнили, дело за тобой, и будь здоров. Ты ведь хочешь быть здоров?

– Да, но ведь...

– Мне не показалось? Я сейчас действительно услышал «но»?

– Предлагаю приступить к плану «А», – сорвал Стас с подушки наволочку и соорудил очень милый кляп.

– Нет-нет, – замахал руками Тарас, – вы не так поняли! Я заплачу вам! Хорошо заплачу. Только помогите. У нас тут ведь и оружия-то нет. Не с вилами же на этих выблядков идти. Помогите, – сплёл он пальцы в замок, – Кадом в долгу не останется.

– И какова цена вопроса? – осведомилась Ольга.

– А сколько хотите? Я в таких расценках-то не силен, но мы заплатим, золотом, не сомневайтесь.

– Я против, – решил вдруг испортить всем настроение Павлов. – Это не наше дело и отвлекает от приоритетной задачи.

– Двадцать, – выдохнул Тарас. – По пять золотых каждому. А? Что скажите?

– Может, лейтенант и прав, – почесал я затылок. – Время дороже.

– Двадцать четыре.

– За меня одного больше давали, – усмехнулся Стас.

– Тридцать два, – увеличил шаг торгов староста, и голос его дрогнул, словно что-то лопнуло внутри.

– Погодите, – вскинул я руки. – Прежде, чем торговаться, не помешало бы узнать, что мы тут продаём. Игнат, будь добр, расскажи нам.

– Ну, – передёрнул он плечами, – а с чего начать?

– Начни с того, что у отче под рясой.

Малец залился багрянцем, подумав, видно, что я опять съехал на большую тему, но потом смекнул о чём речь и начал свой рассказ.

– То, что Емельян не человек – это точно. По крайней мере, не полностью человек. Я ни разу не видел его целиком без одежды. Только ноги. И они... Не знаю, как сказать. Я сперва даже не понял, что там. По-моему, их больше пары. А может то и не ноги вовсе. Когда Емельян понял, он будто озверел. Повалил меня, схватил за шею, думал, голову оторвёт. И лицо у него такое было... Никогда я таких лиц у лю-

дей не видал. Чисто Сатана.

– Но он тебя не убил. Почему?

– Сам не знаю. Может, подумал, что трудно будет такое объяснить.

– Это случилось до нападений в полях, или после?

– До. В прошлом году ещё. Емельян тогда сказал, что Бог сделал его непохожим на остальных, но душу вложил не хуже прочих. Просил меня молчать об увиденном. А я... До того раза от Емельяна мне худого терпеть не приходилось. Я послушался. Думал, всё по-прежнему останется. Но этой весной...

– Продолжай.

Игнат тяжело вздохнул и обхватил себя за плечи.

– Весной отче стал меняться. Он день ото дня делался всё более тучным, ниже груди. Сначала я думал, что это от еды, или от – прости Господи – газов. Но он всё продолжал раздуваться. Стал носить просторные рясы, чтобы скрыть это. А однажды, в начале мая, пропал на трое суток, и вернулся весь в грязи, измотанный и худой, как раньше. Сказался больным и лежал ещё сутки, будто неживой.

– Господи-боже, – перекрестился Тарас.

– Летом не реже двух ночей в неделю Емельян в келье у себя не ночевал. Когда возвращался, подол у него всегда в грязи был. А осенью... Осенью сами знаете, что началось.

– Плодовитый, опасный гермафродит и его агрессивный выводок, – изобразил Станислав, будто записывает это себе

в блокнот. – Да тут не меньше сорока золотых выходит.

– Имейте же совесть! – вскочил староста. – Таких денег во всём Кадоме отродясь не водилось!

– Так раньше у вас и гермафродитов не водилось. Надо адаптироваться к ситуации.

– Тридцать два – край! Прямо вот тут вот! – провёл Тарас пальцем по кадыку. – Сжальтесь, люди добрые. Проявите христианское сострадание. Последнее отдаём.

– Тогда точи вилы.

– А если серебром?! – протянул староста руки вперёд, будто в них уже тяжёлым грузом лежал благородный металл. – В храме серебра разного в достатке! Кресты, оклады, подсвечники! А?

– Кресты – это хорошо, – кивнул я. – Начинай собирать.

Глава 13

Охота – как много в этом слове. Говорят, до войны люди охотились не ради мяса и наживы, а чисто из спортивного интереса и в погоне за трофеями. Потратить неделю-другую, топчась лес вслед за стадом оленей, чтобы подстрелить красавца-самца, отрезать его рогатую башку, набить её опилками и повесить над камином – вот это я понимаю энтузиасты! Заходя в лес, они, должно быть, чувствовали себя истинными царями природы. Минутные стволы и просветлённая шестнадцатикратная оптика против слуха, обоняния и голых ин-

стинктов. Беги, всё живое, спасайся, ты в ареале человека! Благословенные времена. Можно было в своё удовольствие передёрнуть затвор хоть в дремучей чащобе, хоть в степи, хоть в горах, точно зная весь список местной фауны. Какого же хера случилось с этим миром, что по лесам и полям теперь скачут твари, сломавшие прежний баланс и низвергающие царей природы к подножию пищевой пирамиды? Кажется, я знаю ответ.

– Павлов, на два слова, – отозвал я лейтенанта в сторонку.

– Что?

– Ваша работа?

– Ты о чём?

– Не ломай дурочку. Та штука, что звалась отцом Емельяном, явно не плод запретной любви.

– Намекаешь на Легион?

– Слава богу, я боялся, что слишком тонко. Ещё один из отходов вашей лаборатории? Прежде, чем ответишь, хочу пояснить – мне по большому счёту похуй с какой человеко-ненавистнической целью вы дали ему путёвку в жизнь, но если он вдруг срёт гексогеном или мочится нитроглицерином, я должен об этом знать. Тш-ш-ш, молчи, не отвечай, ещё рано. Прежде уясни себе, что неся разную поебень про «закрытую информацию», как вы это любите, и скрывая жизненно важные факты о нашей диковинной зверюшке, ты даёшь мне веский повод отвести глаза, когда ей или её выводку вздумается тобою закусить. Мы ведь на охоту идём. А на охоте что

самое важное?

– Чтобы за кабана не приняли?

– Доверие, друг мой, доверие и взаимовыручка. Без них не стоит и начинать. Так что отринь сомнения и говори, как на духу, что ещё эта пакость умеет.

– Слушай, – откашлялся Павлов, – я ведь простой солдат. Да, наше научное подразделение занимается генной инженерией, это не секрет, но над чем конкретно они там работают – не моего ума дело. Есть... слухи, что опытные образцы иногда тестируются в условиях, приближённых к естественным. Только не спрашивай, насколько сильно приближённых.

– Да уж и так вижу.

– Может быть ты и прав. Может быть. Я об этом знаю мало. Но одно точно – если этот «отче» вышел из пробирок Легиона, нам стоит быть максимально осторожными, потому что оттуда выходят либо культурные растения повышенной урожайности, либо биологическое оружие. А на огромную картошку он, по вашим описаниям, не похож.

– Да, но урожайность отменная.

– Скорее всего, в его геноме заложено жёсткое ограничение жизненного цикла, а второе поколение бесплодно. Оружие должно быть контролируемым.

– Всё это очень интересно, однако совершенно бесполезно.

Я, разочарованный и подавленный, вернулся к нашему единственному источнику потенциально ценной информа-

ции.

– А расскажи-ка нам, Игнат, что ещё необычного ты примечал в поведении отче.

– В каком смысле необычного? – шмыгнул тот носом. – Для человека?

– Нет, бля, для грёбанного мутанта, – огрызнулся Стас. – Тебе есть с чем сравнивать?

– Не с чем, – перекрестился Игнат. – Ей богу.

– Так было что-то необычное? – напомнил я перепуганному звонарю вопрос.

– Ну, так-то особо ничего и не вспоминается. Разве что, ел он много. Необычно много, – просветлел Игнат лицом, радуясь представившейся возможности вернуть требуемое определение. – И больше всё на мясное налегал. Иногда, даже в пост. Я ещё думал: «Глисты у него что ли?».

– Ускоренный метаболизм, – поделился экспертным мнением Павлов. – Не исключено, что его тело всё ещё находится в процессе строительства.

– А как давно этот Емельян у вас завёлся? – поинтересовался Станислав у Тараса.

– Э-э... Да уж лет десять, если не больше.

– И никто до сих пор не обращал внимания, что он ноги прячет?

– Так ведь это... Погоди. Да были у него ноги. Точно были! Помню, сапоги он остроносые носил.

– Когда?

– Годов пять назад. Наверное. Точно не скажу, не заострял я как-то внимания на его обувке. Так это что же получается...?

– Получается, что у тебя под носом десять лет зрел и расцветал опасный мутант, проповедующий общечеловеческие ценности. Как – сука! – можно быть такими тупыми? Вам скоро черти грехи отпустить будут.

– Подытожим, – взял я слово. – В наличии у нас одна половозрелая тварь, сильная и чертовски прыгучая. Об остальных её талантах, кроме богословских, нам ничего не известно, а новые таланты могут открыться с минуты на минуту, ибо в сдерживании дальнейшей трансформации, если такое имело место быть, нужда у отче отпала. Помимо того, имеется более чем жизнеспособный помёт этого бородатого красавца, ныне рыскающий по лесам и терроризирующий работников местного агропромышленного комплекса. Посему постановляю – в целях воцарения мира и спокойствия на вверенной территории, всех убить. Вениаминыч, собирай мужиков, будем устраивать облаву.

– Как облаву? – выдохнул Тарас. – Это что же, нам их на вас гнать надо?! Вилами да топорами?! Там ведь не волки, их флажками не обложишь и криком не напугаешь!

– Не кипишуй. Ты знаешь, где у них логово?

– Откуда?

– И ты не знаешь? – обратился я к Игнату.

– Господь миловал.

– Значит, загонной охоты у нас не выйдет. На живца они сейчас тоже не клонут. Придётся цепью лес прочёсывать, а для этого нужно много народа, человек сорок, как минимум. Разобьёмся на группы, в каждой по одному из нас, чтобы вас горемычных в обиду не дать, и пойдём. Рации есть?

– Нету, – тряхнул бородой староста.

– Это я чисто ради порядка спросил. Не тяните со сборами, хочу до темноты управиться. Ветошь раздобудь, побольше.

– Сделаю. А зачем?

– Для факелов, если не вернёмся засветло.

Через пять минут зазвенел набат, и на площадь перед церковью начало стягиваться местное народонаселение. Многие пришли уже вооружившись.

– Все вы знаете о сегодняшнем происшествии! – начал староста, используя наш грузовик в качестве трибуны. – Поэтому обойдёмся без лишней болтовни, время дорого! Проблема требует немедленного решения! Эта тварь, и её выродки сейчас где-то в лесу, замышляют очередное нападение на наш родной город! И мы, как истинные кадомцы, должны сплотиться перед лицом новой угрозы! Только совместными усилиями нам удастся...

– Говори уже, чего хотел! – раздалось из толпы.

– Да. Нужны добровольцы для участия в облаве. Не меньше сорока мужчин, способных держать в руках оружие.

– И не усратся со страху, – дополнил кто-то вводную ин-

формацию старосты важным уточнением.

– Будет не лишним.

– А что мы с ними вот этим сделаем?! – взмыло над толпой ржавое пятизубое орудие труда и бунта.

– Этим вы сможете себя защитить! – вскарабкался на «трибуну» Станислав. – Большого не требуется! Задача по ликвидации целей облавы лежит на нас!

– Вас всего четверо!

– Этого хватит. А ваша задача – организовать живую цепь для прочёски леса! Цепь будет состоять из четырёх групп, в каждой группе будет по стрелку!

– Они полсотни народу сами извели, а тепереча с ними ещё и Емельян!

– А с вами четыре подготовленных хорошо вооружённых человека и знание о противнике! Какого хера я тут вообще распинаясь?! Вы ещё вчера их чертями считали и боялись нос из дому высунуть! Вам нужны ваши поля или нет?!

– Нужны, оно конечно, скоро вся свекла помёрзнет, – зашуршала толпа.

– Тогда хватить сопли жевать! Выходи строиться, кто ещё яйца не растерял!

Из колышущейся биомассы мало-помалу стали вычлениваться отдельные особи и выстраиваться кривой шеренгой. Набралось сорок восемь голов.

– Это всё? – гаркнул Станислав, пройдясь вдоль строя. – Больше желающих нет? Отлично, остальные могут расхо-

диться, и продолжать своё бессмысленное робкое существование.

Толпа понуро растеклась с площади.

– Охотники есть? – спросил я оставшихся.

Поднялись шесть рук, все принадлежащие далеко не юношам.

– Хорошо. Ты, ты, ты, ты и ты, – отбраковал я подслеповато щурящегося старичка, – идите к машине. Павлов, выдай им стволы и патроны! С какого конца стрелять не забыли ещё?

– Разберёмся, – хмыкнул сухонький дед.

– Один «Бизон» мой, – заявила Ольга о своих правах на добычу.

– Эй, лысый! Вернись обратно, ты будешь полезнее с вилами. И помните – данное имущество переходит в ваше пользование лишь на время облавы, будьте с ним аккуратны и не тратьте боеприпасы почём зря! Так, пехота ближнего боя, на первый-одиннадцатый рассчитайсь! Запомните, кто с вами в группе! Стрелки, по одному на группу! Группа один подчиняется Павлову. Давай, топай к личному составу. Группа два – Станиславу. Группой три командую я. Группой четыре – Ольга. И все вместе подчиняются мне! Рядовые выполняют приказы командиров группы чётко и беспрекословно! Даже если вам ошибочно показалось, что командир неправ, делайте, как он сказал! Это ясно?!

Нестройный хор голосов высказался утвердительно.

– Хорошо. Сейчас мы идём к лесу, там встаём цепью с интервалом два-три метра и начинаем прочёску! Приоритетная цель – найти Емельяна и его логово! Сопутствующая цель – уничтожить всех обнаруженных чертей! Вопросы? Вопросов нет. Напра-а-аво! Шагом арш!

Наш стихийно организованный отряд протяжно шаркнул и двинулся к линии фронта, покачивая вилами и рогатинами.

– Ты раньше командовал? – с гнусной ухмылкой спросил Павлов.

– Мною командовали, недолго, но врезалось в память.

– У тебя неплохо выходит, молодец.

– Давай-ка без фамильярности со старшим по званию. О машине договорился?

– Тарас обещал выставить охрану. Как вернёмся, осмотрю всё.

– Штабу доложился?

– Нет, – помотал головой лейтенант, будто нашкодивший пацан.

– Что так?

– Вряд ли они одобряют нашу подработку.

– Они не одобряют, а ты?

– Ну, с одной стороны, потеряем день, и это плохо. С другой – десять золотых. Покажется странным, но у меня никогда не было личных денег.

– Бедолага, – не кривя душой, посочувствовал я Павлову.

– Мы же на полном обеспечении. Еда, обмундирование, амуниция, крыша над головой – всё казённое. Но...

– Хочется своего.

– Да. Раньше я о подобном не думал, меня всё устраивало. Легион – моя семья.

– Глотнул свободы, и понравилось? Осторожно, лейтенант, свобода коварна.

– Но ты ведь никогда от неё не откажешься. Верно?

– Я родился с этим, а ты только сейчас вкусил.

– Мы оба знаем, что это не так.

– Поясни.

– Брось. Ты неспроста интересовался первыми образцами там, у Муромских ворот. Я не тупой, Кол, просто сдержанный, – добавил он с улыбкой.

– Ладно, продолжай.

– Нам всегда говорили, что мы – части единого целого, сильного и несокрушимого, а по отдельности у нас нет шансов. Но вот я вижу тебя, и задаюсь вопросом: «А правда ли?». Ты рос сам по себе, выжил, и продолжаешь оставаться одиночкой, успешным одиночкой. Это не даёт мне покоя. Ведь мы похожи.

– Мы совсем не похожи.

– Почему?

Рука сама выхватила кинжал.

– Вот почему.

Скрипнула щетина лейтенанта под острием моего клинка.

– Уверен?

Что-то легонько кольнуло меня в область печени. А он быстр. Чертовски быстр.

– Эй! Какого хрена у вас там происходит? – обернулся идущий впереди Стас.

– Всё нормально, – ответил я, убирая кинжал. – Разминаемся.

– Плечо тебя выдаёт, – поделился наблюдением Павлов.

– Ты видел и не защитился?

– Доверие, – улыбнулся он и ускорил шаг, догоняя свою группу. – Доверие и взаимовыручка!

Сукин сын.

Неровная, будто старая ржавая пила, полоска леса темнела за полем, ветер обжигал лицо, подёрнутая инеем земля хрустела под ногами, в белёсом небе весело мутным пятном Солнце, и чёрные птицы кружили под ним. Наше ополчение давно лишилось изначальной формации и брело вперёд со всё меньшим энтузиазмом, по мере приближения леса. Страх сквозил промеж тех деревьев, и все его чуяли. Боевой запал потух ещё на подходах, шли молча, вглядываясь в каждую кочку, каждую тень. Я успел пожалеть о розданных автоматах, глядя, как они рыскают стволами в трясущихся старческих руках, но без плотного огня было не обойтись. Успех нашей затеи становился всё менее и менее очевидным.

– Стой! – скомандовал я, не доходя полсотни метров до опушки. – Стройся цепью!

– Ещё не поздно отказаться, – прошептала Ольга, будто разгадав мои мысли.

– Опять дурные предчувствия?

– Со вчерашнего вечера ничего не изменилось.

– Что ж, значит, пора изменить. Цепь, вперёд!

Глава 14

Страх – что мы о нём знаем? Кажется, всё, что только можно, но это лишь кажется. То, что обычно принимается за страх, в действительности является тревогой, опасением, отвращением, боязнью, испугом, любой негативно окрашенной эмоцией, только не страхом. Он почти как смерть – штука, казалось бы, очевидная, но мало кому в действительности знакомая. И в тоже самое время, страх сродни счастью – так же иррационален и спонтанен. Но, в отличие от счастья, это не вспышка, и тепло, разливающееся по телу, страх – это ледяные тиски, сковывающие разум, это оторопь, капитуляция перед лицом опасности. Сопливые «ветераны», рассказывающие, что контролируемый страх помогает в бою, ни разу не попадали под перекрёстный огонь, не оказывались в котле или посреди минного поля, когда ноги отнимаются и слюна течёт по онемевшим губам. Страх – это аварийный сигнал, посылаемый мозгом в пустоту, безадресно, безнадёжно, последний крик, не о помощи... И его отголоски уже слышны.

– Смотри, куда наступаешь, – шикнул я на ополченца, по-

пирающего сапогом трескучие ветки.

Тот кивнул и утёр с бровей набежавшую испарину.

Мы шли уже больше часа. Лес впускал нас всё глубже, как трясина впускает всякого, пожелавшего заглянуть в её недра. Вперёд, только вперёд. Никто из идущих рядом не оборачивался, словно страшился увидеть позади глухую стену. Жухлый мох шуршал под нашими ногами, чёрная хвоя колола кожу. Переплетение ветвей становилось всё плотнее, сучья цепляли одежду, паутина облепляла лицо. Цепь двигалась медленнее с каждым шагом, тяжёлое неровное дыхание слышалось по обе стороны от меня, и ни одного слова, будто это мы прятались, будто на нас велась охота.

Вскинутая мною ВСС моментально побудила ближайших ополченцев пригнуться и выставить на призрачного врага свои нехитрые средства самообороны.

– Почудилось, – опустил я ствол, и несколько пар лёгких снова заработали, выдыхая перенасыщенную углекислым газом смесь.

Чёртовы деревья раскачивались наверху под порывами ветра и скрипели, не давали вслушаться, а глаза в таком лесу не самый надёжный союзник. Промелькнуло ли что-то там, меж стволов, или приоткрывшееся на секунду Солнце бросило тень? Долго ответа ждать не пришлось.

– Ах ты ж!!! – почти коснулся земли пятой точкой мой сосед, когда короткая автоматная очередь разлетелась эхом по лесу.

Кто-то менее вдумчивый нажал спуск.

– На два часа! – проорал Стас, и ещё четыре одиночных выстрела ударили по ушам.

– Левый фланг, ускорить шаг! – скомандовал я, пытаюсь развернуть цепь фронтально к цели. – Держать строй!

– Там, там!!! – донеслось с Ольгиного края, и к мягкому стуку девятимиллиметрового «Бизона» присоединился резкий цокот АК-74.

– Где?! В кого палят?! – закрутились на месте гордые обладатели вил и рогатин, цепляясь ими за ветки.

– Обошли нас! – донеслось с правого фланга. – Бля! Стреляй-стреляй!!!

Чей-то вопль резко оборвался, едва покинув глотку.

– Они на деревьях!!!

– Сука-а-а!!!

– Господи-боже!!!

– Бегите! Бегите!!!

Крики неслись с обоих флангов, а мы даже не видели атакующих.

– Все сюда!!! – заорал я, что есть мочи, стараясь перекрыть паникёров и лупящие в белый свет автоматы. – Занять круговую оборону!!!

Но теперь у нашей цепи были другие командиры – паника и хаос. Строй рассыпался как солома на ветру. Многоголосие воплей наполнило лесную чащу.

– Сюда, мать вашу!!! Ко мне все!!! Дьявол...

Теперь и я их увидел. Или, скорее, почувствовал. Слишком уж быстро мелькали они меж стволов и ветвей. Чересчур быстро для человеческого восприятия. Но тепло уже тронуло мозжечок, сердце включило высшую передачу, надпочечники поддали в кровь изрядную дозу адреналина, и лёгкие принялись щедро насыщать этот коктейль кислородом. Раж явился на звуки веселья, постучал в дверь. Милости прошу, праздник только начался.

Мир вспыхнул и поплыл, будто его макнули в смолу. Визг и вопли сделались низкими и тягучими. Белые от ужаса лица, искажённые рты, руки, ноги, тела – всё завязло во времени. Затвор ВСС с протяжным «ту-у-у-к-к» откатился назад, горячая гильза плавно вышла из экстрактора, волоча за собою дымный шлейф, приклад медленно и нежно, как ласковая любовница, тронул плечо, пуля разорвала подёрнутый муаром воздух у дульного среза и полетела между голов, раздувая волосы. Она летела так красиво, так спокойно, наверняка зная, куда ей нужно, будучи уверена, что успеет точно к сроку. Оттолкнувшись от дерева тварь разинула пасть и растопырила лапы, готовые вцепиться в пульсирующее тёплое мясо. Она тоже знала, куда ей нужно, но не учла планов пули. Две судьбы сплелись в одну. Шестнадцать граммов свинца и стали, войдя под правую лопатку, сотрясли грудную клетку гидроударом, развернули тварь в воздухе и вышли с противоположной её стороны багровым облаком, перемешавшись с мясом, костями и потрохами. Я рванул на

левый фланг. Олин «Бизон» опорожнил свой шестидесяти-четырёхзарядный магазин и готовился приступить к следующей порции. Второй стрелок группы, стоя на карачках, фонтанировал кровью из разорванной шеи, рядом валялись два пустых рожка и дымящийся автомат. Ещё одно полумёртвое тело привалилось к дереву, безуспешно зажимая рану в груди. Пока что живые тела во множестве метались среди стволов, побросав хозинвентарь и истошно вереща. Ольга прикнула новую трубу к своему ПП и уже тянула затвор, когда один из отпрысков отца Емельяна свалился, будто с неба. Между нами оставалось не больше десяти метров. Выпустив из рук ВСС, я схватил «Пернач», но выстрелить не успел. Влекомая повисшей на плечах тварью Оля завалилась назад и перекрыла мне линию прицеливания грудью. А я люблю Олину грудь. Ствол «Пернача» очутился между оскаленных челюстей ещё до того, как те начали смыкаться. Кожух затвора сделал «кляц-кляц-кляц», и безобразное рыло засветилось изнутри, как бумажный фонарик, а черепная коробка брызнула красно-серым конфетти. Атмосфера праздника накалялась. Слушая чарующую матершину из уст Ольги, отцепляющей от себя дохлое исчадие, я заметил ещё одно, скачущее вслед за храбрым кадомцем, чьи штаны темнели быстрее, чем двигались его ноги. Мушка и целик сошлись посередке нечеловеческого силуэта. Три пули друг за другом отправились в полёт, сбросив гильзы, как бабочка сбрасывает сковывавший её кокон. Два милых маленьких существа,

чья жизнь столь скоротечна, насладившись кратким мигом свободы, нашли последнее пристанище в крестце и позвоночнике твари, а третье – чья тяга к высоте была сильнее прочих – застряло в голове храброго кадомца. Мёртвые тела обмякли и почти синхронно, словно в танце, упали на землю. Шлейфы крохотных алых капель ненадолго зависли в воздухе, будто ягоды на невидимых ветвях. Дымящаяся латунь едва успела обжечь мох под моими ногами, как из-за елового ствола выскочила очередная образина, да так шустро, что я не успел навестись. Выпущенная очередь задела её лишь одной пулей, та угодила под левый глаз, раздробила часть верхней челюсти, срикошетила и ушла в сторону, забрав с собой ухо и кусок скальпа. Заметно похорошевшая тварь живым тараном сбила меня с ног, и мы, обнявшись, словно старые друзья после долгой разлуки, полетели на землю, а «Пернач» отправился собственным маршрутом, выскользнув из руки. Удар стряхнул кровь с раскученной морды и плеснул её мне в лицо. Медленный мир стал медленным, красным и чертовски мутным. Осиротевшая правая ладонь тут же прибилась к рукояти кинжала, левая – упёрлась в лоб докучливого товарища. Ещё до того, как моя спина коснулась земли, клинок с приятным влажным «крак» пробил череп твари. Её левый глаз дёрнулся в сторону, рассинхронизировавшись с правым, лопнувшие сосуды окрасили белок алым.

– Вот мразь, – отбросил я тушу и кое-как стёр рукавом с лица липкую смесь крови и слюны, после чего подобрал

пистолет.

Раж начал угасать, и сопутствующая ему эйфория быстро уступала место меланхолии. Так было всегда, сколько себя помню. Наверное, это состояние можно было бы сравнить с похмельем, кабы дело ограничивалось только головной болью и тошнотой. Увы, нет, раж обходился куда дороже. Я никогда не испытывал наркотической ломки, но предполагаю, что её симптомы схожи с моими, разница лишь в продолжительности. Ощущение такое, будто тебя подвесили за шею на дереве и с полчаса лупили арматурой, а потом содрали кожу и облили щелочью. Невозможно сказать, где болит, потому что болит везде. Мало кто знает, сколько в нём мускулов, я знаю, потому что чувствую каждый. Простая ходьба в первые секунды после ража – феерия боли. С возрастом отходняк становится только тяжелее, и бороться с ним нельзя, можно лишь принять его и постараться извлечь удовольствие. Очень специфическое, но такое сладостное, если попробовать.

– Ты в порядке? – поинтересовалась Ольга, пока я разминал шею, отчего несколько лицевых мышц одновременно свело судорогой.

– Угу, – не удалось мне разомкнуть губы с первой попытки. – Ка... Как... Каковы потери?

– Нам лес придётся от края до края прочесать, чтобы ответить. Эти ублюдки разбежались во все стороны, не больше дюжины осталось. И ещё с десятков убитыми.

– Собери уцелевших, – глотнул я из фляги, стуча горловиной по зубам.

– Эй!!! – крикнула Ольга, сложив ладони рупором. – Сюда все! Живее!

На зов, вопреки оптимистичным реляциям, пришли девяттеро. Радовало, что среди них оказались невредимые Стас и Павлов, огорчало, что трое из семи оставшихся были ранены, один – тяжело.

– У нас пять убоин, – опустил Станислав на землю АК-74 и залитый кровью «ливчик» с двумя рожками. – А вы сколько настреляли?

– Один, – проскрипела зубами Оля.

– Четыре, – кивнул я на застывшую в нелепой позе тварь, только сейчас как следует рассматривая.

И чем дольше я смотрел, тем сложнее было описать её самому себе в привычных аналогиях. Существо определённо не являлось примитивным гибридом известных мне видов. Верхняя часть его тела напоминала то ли кошку, то ли крысу, покрытая светлой шерстью, с не особо длинными почти лишёнными волос пятипалыми конечностями, вооружёнными острыми, как бритва, втягивающимися когтями. Мощная шея соединяла туловище с продолговатой лысой головой, вытянутой в конусообразную морду с тупым рылом. Застывшие в вечном оскале губы обнажили ряды острых зубов треугольной формы. Мочка носа, почти как у летучей мыши, задралась кверху, единственное уцелевшее ухо так же

напоминало перепончатокрылых. А вот глаза... глаза были человеческими, если не считать слишком уж тёмной, почти чёрной, радужки, как у родителя. На звериной морде они смотрелись инородно, будто глядели сквозь прорези безобразной маски. Что же до нижней части тела, то там всё было ещё сложнее. Мои познания в биологии оказались слишком скудны, чтобы подобрать достойный пример для сравнения. На ум пришло лишь одно. Много лет назад, на безжизненном каменистом берегу северного моря я повстречал чудовище. Оно было мертво, и вонь разлагающейся туши привлекла десятки чаек. Птицы превратили труп в бесформенную массу, и только громадные щупальца указывали на принадлежность гниющих останков. Это был гигантский кальмар – доисторический монстр из тёмных холодных глубин. Именно его тентакли больше прочего походили на то, что обнаружилось у отродья вместо ног, если опустить их количество и факт наличия суставов. Нижних конечностей было шесть. Их непропорциональность относительно размеров туловища, объяснялась, по-видимому, тем, что «ноги» большую часть времени находились в полусогнутом состоянии, а полная длина использовалась только для прыжков. Этакие органические пружины. Листообразная «стопа» каждой конечности была усеяна мелкими шипами, позволяющими без труда цепляться за деревья или другую податливую поверхность, в том числе живую плоть, на что ясно указывали сорванные лица и скальпы жертв этого продукта генетической

революции.

– Значит, – нарушил ход моих мыслей Станислав, – этой мразоты стало на десяток меньше.

– Знать бы ещё, сколько их всего, – размазал лейтенант по щеке кровавые брызги и скривил рожу, глядя на перепачканную ладонь. – Я видел двух или трёх, которые поскакали за дезертирами.

– Дезертирами? – усмехнулся бородатый мужик лет пятидесяти, помогая сесть одному из подранков. – Вот, значит, кто они такие?

– Покинул поле боя без приказа – дезертир, – встал в позу Павлов.

– Нам, мил человек, поле боя не покинуть, – поправил бородач висящий на плече автомат. – Кругом оно, поле это, куда ни плюнь. А люди просто жить хотят, страшно им помирать, да ещё такой смертью, оттого и побежали.

– А тебе, – взглянул я в остро глядящие из-под надвинутой шапки серые глаза, – стало быть, не страшно?

– Не страшно будет, только когда боженька за руку возьмёт, да сам к райским вратам поведёт. А до той поры лишь у дурака страху нет.

– Отчего же не побежал со всеми?

– Жена у меня с дочерьми в заложниках. И у них тоже домашних похватали, – кивнул мужик на троицу своих фортовых земляков. – Если уж мы слабину дадим, значит, всему конец.

– Ясно. Емельяна кто-нибудь видел?

Лишь скорбная тишина была мне ответом.

– Понятно. Где искать его, мысли есть?

– Есть одна, – снова взял слово отец пленённого семейства.

– Как звать, – поинтересовался я.

– Николаем нарекли.

– Что ж, Николай, изложи нам свою точку зрения.

– Излагать-то недолго. Тут поблизости деревенька брошенная, Семёновка. Да не деревенька даже, пять домов там всего. Емельян ведь не зверь, нору рыть не станет, он к стенам да к крыше привычен. Для логова места лучше не сыскать, как по мне. Вокруг лес глухой, и до Кадома рукой подать.

– Добро, – согласился я с выводами. – Наведаемся в Семёновку.

– А что будем делать с ранеными? – озвучила Ольга вопрос, который и так вертелся у всех на языке.

В другой ситуации этот вопрос, если бы и возник, означал бы лишь проблему выбора между пулей и ножом, но возложенная на наши плечи благородная миссия по спасению угнетаемых кадомцев вносила свои коррективы в привычный уклад. Не говоря уж о четырёх представителях облагодетельствованного нами населения, на чью дальнейшую помощь вряд ли пришлось бы рассчитывать, прояви мы разумное пренебрежение нормами морали.

– Сопровождающего выделить не сможем, – «огорчённо» констатировал я. – И без того людей мало. Но можем дать автомат и немного патронов.

– У нас стволов как раз на восьмерых, – возразил Павлов.

– Ничего, «Кедр» свой одолжишь.

От такого непристойного предложения лейтенант вспыхнул, как схваченная за жопу девица. Но казавшийся неминуемым скандал неожиданно предотвратил один из подранков:

– Без надобности нам автомат. Бог даст – доберёмся живыми, а нет – так тому и быть. Ступайте.

– Дело ваше, – пожал я плечами. – Все слышали последнюю волю героя? Выдвигаемся.

Глава 15

Мутант. Лет тридцать назад это слово заменяло собой целую уйму эпитетов, включая такие как: выродок, дегенерат, отброс, погань, мразь, урод. Я рос в Арзамасе, где, слыша «мутант» от лаца в свой адрес, не стоило и предполагать, что человек пытается указать на твои исключительные способности. Любое физиологическое отклонение от стандарта автоматически переводило в разряд отребья. Это могла быть и не мутация, а увечье, болезнь или родовая травма. Кому охота разбираться, гидроцефал ты, или чёртов мутант? И так ведь понятно, что твоё место в канаве. Но с той поры многое изменилось – в Арзамасе съели почти всех лацев; В Мур-

ме нелюдь, которую прежде расстреляли бы со стены, утилизирует трупы местных ханжей; и всюду, куда доходя новости, слово «мутант» звучит всё более угрожающе. Из деклассированного элемента мы превращаемся в квазирасу. Среди нас нет русских, нет евреев, татар или мордвинов. У нас нет единой религии, нет культуры, нет истории. Кое у кого нет даже предков. Но мы имеем нечто большее, что объединяет нас, делает нечужими друг другу. Мы – не люди. И, как знать, возможно, скоро «человек» станет бранным словом. А ещё мы чуток склонны к патетике. Не все, конечно. Ладно, лично я склонен. И да, то, что мне знакома этимология этого термина, уже ставит меня выше большинства соплеменников, которые, говоря по правде, в большинстве своём – генетический мусор, едва способный связно изъясняться. Но ведь верхи и низы должны быть в любом обществе, социальную иерархию никто не отменял. И что плохого, если новые элиты встанут у руля возрождающегося государства? Прогресс требует лучшего, и это лучшее – мы! А братья-мутанты из родного Арзамаса... Я буду с теплотой вспоминать о них томными вечерами, курия сигару на балконе своего особняка.

– Скажи-ка, дружище, – обратился я к Павлову, немного подотстав вместе с ним от группы, – а капитан Репин, он тоже... из наших?

– Ты о генных модификациях?

– Я старался придать вопросу неформальности, но да.

– Все, кто родился в Легионе после двадцатого года, так

или иначе, подверглись вмешательству в геном.

– И какого рода вмешательству? Старички ведь не такие, как мы.

– Нет, не такие. Насколько мне известно, ранние модификации носили, грубо говоря, общеукрепляющий характер. Улучшение иммунной и нервной систем, минимализация вероятности врождённых пороков, усиление органов чувств и так далее.

– Почти как люди, но немного лучше.

– Почти? – нахмурился лейтенант. – Мы и есть люди.

– Ты, правда, так думаешь?

– Разумеется! Что за странные вопросы? По-твоему, если дикую яблоню привить и окультурить, она перестанет быть яблоней?

Похоже, он без шуток считает себя человеком. Это отвратительно, нужно его спасать.

– Кто твои родители, Павлов?

– У меня их нет, ты сам знаешь.

– Но разве не у каждого человека есть родители? Мама и папа, не говоря уж о любимых бабулях, суровых дедах и прочей единокровной лабуде.

– Как видишь, не у каждого, – бросил он через губу.

– То есть, твоим предком был не человек. Как же ты можешь называть себя человеком?

– Меня соз... я сотворён из человеческих биоматериалов, с применением геной инженерии, – слегка раздражённо по-

яснил лейтенант. – Так понятно?

– У тебя глаза горят от тапетума. Я правильно назвал? Они отражают свет, и ты видишь ночью, не хуже чем днём. Скажи, из какого человеческого места был извлечён сей биоматериал.

– Это всего лишь глаза. Они не определяют, человек ты, или нет.

– А что определяет?

– Совокупность биологических признаков.

– Совокупность... Как интересно. А наш отче – человек? Думаю, по совокупности биологических признаков он более чем на половину хомо сапиенс. Тебе вот глаза под очками скрывать приходится, а Емельянушка долгие годы жил среди людей, не таясь, и не вызывал подозрений. Стало быть, человек он, не меньше нас с тобою. Слегка необычный, но у всех свои странности. Да и Сатурн – простой шестнадцатилетний парнишка с хорошим аппетитом. Ты же умный, Павлов. Ваши генетики не зря свой хлеб едят. Нахуя ты несёшь эту чушь про человечность? Тебе, в самом деле, охота быть среди неудачников?

– Считаешь себя представителем доминирующей формы жизни на Земле?

– Нас, я считаю нас доминирующей формой.

– Ты же утверждал, что мы совсем не похожи.

– Я передумал. Наше превосходство очевидно, а вместе с ним и родство. Человечество слишком давно остановилось

в своём развитии, не будучи настолько совершенным, чтобы себе это позволить. Естественный отбор не работал тысячами, егенику заклеили лженаукой, эксперименты с человеческой ДНК и клонирование объявили аморальными. Чёрт подери, эти идиоты спорили об этических аспектах эфтаназии и пересадки органов, а потом взяли и разьебали весь мир ракетами. Не мы, нас не было, когда они устроили Армагеддон. И вот теперь ты – представитель нового вида, рождённый не по случаю пьяного перепихона, а в результате грандиозного труда мощнейших умов – говоришь мне: «Я – человек». Можно ли придумать худшее оскорбление для твоих создателей? Неужели эта поебень и есть официальная идеология Железного Легиона? Да, конечно, с трибун можно кричать, мол, все мы братья, но я горячо надеюсь, что такое дерьмо не для внутреннего потребления. Ну же, – по-дружески пихнул я лейтенанта кулаком в плечо, – расскажи брату-сверхчеловеку об истинных планах Легиона на эту планетку с её примитивными аборигенами.

– Хочешь карьеру сделать?

– Почему нет? Я вижу в вас потенциал и не хочу упускать шанс занять достойное место в новом мироустройстве. Думаю, в Легионе для меня найдётся работа.

– Когда мы завершим миссию, ты будешь купаться в золоте. Зачем тебе работа?

– За годы ударной трудовой деятельности я понял одну простую вещь, которая, тем не менее, не каждому даётся –

обрести богатство гораздо проще, чем удержать его. Какой толк в деньгах, если не можешь наслаждаться ими без оглядки? И чем больше денег, тем крепче должны быть тылы, иначе состояние весьма скоро меняет хозяина. Наше партнёрство станет взаимовыгодным, как ни погляди. Кроме того, я люблю свою работу.

– И как ты себе это представляешь? Что изменится? Будешь выполнять заказы, щеголяя лычками Легиона? – усмехнулся Павлов.

– Знаешь, меня трудно обидеть, но тебе сейчас почти удалось. Я остро чувствую недооценённость с твоей стороны, и это удручает. Неужели после всего, что мы пережили вместе, ты ещё сомневаешься в моих способностях к командованию? Нет-нет, я не прошу выделить мне мотострелковую роту, всё должно быть скромно и по-домашнему. С десятков отобранных лично мною бойцов, достойная, но без излишеств, материально-техническая база, разумный бюджет на текущие расходы, относительная свобода в плане решения поставленных задач – и я покажу Легиону, как нагнуть этот строптивый мир.

– Хм. А от меня ты чего хочешь? Рекомендаций?

– Точно!

– Ну, предположим, я за тебя поручусь. Что я буду с этого иметь?

– Вот видишь, мы нашли общий язык, значит, сработаемся. Будешь моей правой рукой. Не буквально, конечно, рас-

слабься, со своими функциями она и сама отлично справляется. Но ты ведь хочешь свободы?

– Да, – принял голос лейтенанта менее насмешливый тон.

– Так вот, в моём ведомстве свободы будет, как ни в одном другом. При этом ты останешься в любимом Легионе. Сами себе хозяева на службе великой цели, острие копья, опасность, романтика, дух авантюризма – вот это всё. Заинтересован?

– Ты меня вербуешь?

– Ну а что ходить вокруг да около? Вербую. Будешь работать на меня – не пожалеешь. Наша маленькая уютная конторка – только начало.

– Вижу, у тебя большие планы. Ты всё это придумал, пока мы по лесу шли?

– Нет, разумеется, ещё в поле начал обдумывать. Дело-то серьёзное.

– Не пойму, ты сейчас шутишь, или...?

– Я никогда не шучу, если речь о моём будущем. О твоём могу, но не в этот раз. Так что скажешь, по рукам?

– Признаться, – нахмурился Павлов, так что очки сдвинулись ближе к кончику носа, – твой план не лишён привлекательности. Но всё это слишком уж неожиданно.

– Понимаю, тебе нужно всё как следует обмозговать. Не торопись, времени у нас много. Но и не затягивай особо.

– Почему?

– Ты не единственный объект для вербовки.

Идущий метрах в десяти перед нами Станислав остановился и поднял сжатую в кулак руку.

– Пришли? – догнал я его.

– Там, – прошептал Николай, указывая промеж деревьев на едва различимые в зарослях дома.

– Разделимся. Мы с Олей и вы двое, – кивнул я на пару бледных ополченцев, – заходим слева, остальные – справа. Стрелять только наверняка, не спугните. Поехали.

Семёновка, как и говорил Николай, оказалась пятью домами, стоящими с промежутком в полсотни метров по одну сторону заросшей бурьяном и кустарником дороги. Плохо просматриваемый участок в четверть километра с пятью укрытиями – не лучшее место для штурма силами восьмерых.

– Видите крайний дом? – подойдя ближе, указал я в сторону покосившейся бревенчатой хибары, замыкающей Семёновку с левого фланга и окружённой примятым в нескольких местах сухим бурьяном, который я заприметил ещё из лесу. – Мы идём внутрь, вы двое стоите снаружи – один у крыльца, второй со стороны двора. Если съёбывать оттуда будет кто-то кроме нас, постарайтесь усложнить ему задачу, нагрузив свинцом. Всё понятно? Вперёд.

Наверное, я всё же не настолько хороший командир, как расписывал Павлову. У меня есть изъян. Да, подумать только, скажи кому – не поверят. Дело в том, что убийство с течением времени перестало быть моей работой, и стало

средством самовыражения. Знаю, это прекрасно, когда человек, или сверхчеловек, как в моём случае, находит отдушину в творчестве, но... Всегда есть это блядское подлое "но". Тяжело о таком говорить, чувствую себя ущербным, однако врать себе – последнее дело. Итак... Ладно, к чёрту! Я не люблю делиться! Нет, это не вся правда. Я ненавижу делиться! Меня корёжит от осознания, что кто-то может меня обойти, до зубной – сука – ломоты, до нервного зуда. Моя добыча – это два слова, с которых начинается мой словарь, они выведены огромными золочёными буквами на форзаце и колонтитулах. Моя добыча священна, сокральна и неприкосновенна. Веля этим деревенским увольням стрелять по отче – нашему иже исина небеси – Емельяну, я надругался над сутью себя. Да, в глубине души, если эта хрень существует, я знал, что они не справятся, что расходный материал на то и расходный, но моё сердце разрывалось, будто я бросил хрустальную мечту на дно выгребной ямы. Давненько уже я не отрезал большие пальцы, заслуживающие внимания. Дикой, можно сказать, не в счёт. А вот Емельян... О, его фрагмент станет украшением коллекции. И зимними вечерами, сидя у потрескивающего углями камина, со стаканом дорожущего пойла в руке, я буду смотреть на жемчужину этой витрины собственного тщеславия и наслаждаться. Или же, каждый раз пробегая взглядом по её посредственным экспонатам, мне придётся горько сожалеть об упущенном шедевре, о бесценном артефакте, которого меня лишили, украли у ме-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.